



ISSN 0869—4788



**АВГУСТ**  
**НОЗРА**

**8.92**





Фото Л. Березницкого



**Югра**  
**№ 8 (10), август 1992**

Издается  
с сентября 1991 г.  
Выходит один раз в месяц

Историко-культурный журнал.  
Учредители — администрация  
Ханты-Мансийского автономного  
округа и нефтяная акционерная  
компания «Аки-Отыр».

**Редакционная  
коллегия:**

**В. К. Белобородов**  
(Редактор)

**Н. И. Коняев** (ответственный секретарь),

**Л. В. Луцкай**

**Т. А. Молданова**

Технический редактор,  
**Н. Б. Баталова**

Адрес редакции: 626200,  
г. Ханты-Мансийск, ул.  
К. Маркса, 14.

Телефон редакции 4-12-25.

Журналы в любом количестве  
можно приобрести в редакции.

Подписаться на журнал можно  
с любого номера в местном узле  
связи. О случаях отказа в оформлении  
подписки просим сообщать в редакцию.

Сдано в набор 03.08.92. Подписано  
в печать 31.08.92.

Формат 60x84<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага газетная.  
Печать офсетная. Усп. печ. п, 3,74.  
Уч. изд. л. 4,48. Тираж 2300. Заказ № 1874.  
Цена 3 р. 50 к.

Отпечатано в Шадринской типографии  
п/о «Исеть» управления печати и  
массовой информации администрации  
Курганской области. 641800, г. Шадринск,  
ул. Спартака, 6.

**В НОМЕРЕ:**

С. Л. Франк. Крушение кумиров . . .	2
О неотложных мерах по сохранению историко-культурного наследия народов, населяющих автономный округ . . . . .	3
Концепция развития культуры народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе . . . . .	4
Е. Соломина. Пробудить память . . .	7
В автономных округах России . . . .	10
Т. Пакина. Библиотека: день нынешний . . . . .	11
Товарищ (из этического словаря прошлого века) . . . . .	13
О. Васильева. Фантазии Н. Волик . .	14
Н. Волик, В. Константинов. Космическое и земное . . . . .	17
А. Тогачев. Вератты Ех . . . . .	19
В. Балин. Восстановить права землепользования коренного населения .	20
Н. Патрикеев. Наедине с природой .	21
И. Кентин. Северный парк . . . . .	24
Г. Сазонов, А. Конькова. Месяц летнего запора . . . . .	27
В. Плесовских. Система религиозных представлений ханты и манси . .	29
Л. Косинская. Археологи ведут поиск .	37
И. Каскин. У родного Чугаса . . . . .	43
А. Ф. Бриген. Из письма к Н. И. Лореру . . . . .	48
В. Мазин. М. Зябин. Стихи . . . . .	50
О. Кошманова. Яльвиль . . . . .	52
Т. Молданова. Орнамент . . . . .	54
Говорите по-мансийски . . . . .	56
А. Тахтуева. Кукла юганских ханты	58
Ю. Проскурин. Как устроить погреб	60
Ю. Гордеев. Воробей домового . .	62



С. Л. ФРАНК

х х х

Наша душа обнищала и изголодалась. Потеря веры — не легкое дело, низвержение кумиров, которым мы и наши отцы поклонялись так долго и страстно, — не детская забава. Вероятно, так же жутко, пустынно и тоскливо было нашим предкам, древним славянам, когда низвергался в Днепр Перун вместе с остальными идолами, и они не знали, кому теперь надо служить и у кого просить помощи в бедах. Ибо отречение от кумиров не есть наглое предательство, не есть отказ от веры и впадение в буйство нечестия: оно есть признак смены вер, и если новая вера еще не найдена, то падение старой само уже есть признак страстного ее искания...

Благо тому, кто в этой тоске, в этих мучениях духовного голода и жажды имеет близкую, родную душу — все равно, друга, мать или жену, — перед которой он может излить свое томление или с которой он может по крайней мере хоть передохнуть от него, — ибо часто мы не только самому близкому человеку, но даже себе самим не можем высказать до конца то, что нас мучит. И горе одинокому!

Одно родное существо есть, впрочем, у нас всех: это — родина. Чем более мы несчастны, тем более пусты наши души, тем острее, болезненнее мы любим ее и тоскуем по ней. Тут мы по крайней мере ясно чувствуем: родина — не «кумир», и любовь к ней есть не влечение к призраку; родина — живое, реальное существо. Мы любим ее ведь не в силу «принципа патриотизма», мы не поклоняемся ни ее славе, ни ее могуществу, ни каким-либо отвлеченным признакам и началам ее бытия. Мы любим ее самое, нашу родную, древнюю, исконную мать; она сама теперь несчастна, обесчещена, больна тяжким недугом, лишена всякого величия, всяких приметных, бесспорных для постороннего достоинств и добродетелей; она и духовно больна вместе со всеми нами, ее детьми.

Мы можем любить ее теперь только той «странной любовью», в которой признавался великий, столь духовно близкий нам, тоскующий русский поэт, «гонимый миром странник с русской душой». Эта «странная любовь» есть для нас теперь единственная подлинная, простая любовь — та всепрощающая любовь, для которой «не по хорошему мил, а по милу хорош». В пылу политических страстей, которые мы сами раздуваем в себе, чтобы заглушить ими духовную пустоту, и о которых тот же поэт почти сто лет тому назад так горько сказал: «и царствует в душе какой-то холод тайный, когда огонь горит в крови», — в этом туманящем чадомы часто забываем нашу подлинную любовь и невольно отрекаемся от несчастной матери — единственного сокровища, оставшегося у нас на земле. Мы выставляем напоказ ее позор, мы злорадно усмехаемся ее страданиям, мы стараемся даже преувеличить и ее скорби, и глубину ее нравственного падения, потому что не можем примириться с тем ложным путем, по которому она пошла. Мы взваливаем на других и на ее самое ту ответственность, за ее грехи и несчастия, которая лежит одинаково на нас всех, ее детях, мы часто готовы отождествлять ее столь дорогую и родную нам душу, которая — мы знаем это — непреходяща, с бесчинством и мерзостью ее порочных детей-насильников, теперь издевающихся над ней. Но все это происходит в поверхностном, показном слое нашей души. Подлинное наше отношение обнаруживается не на словах, не в сознательных рассуждениях и оценках, а в той тоске, в тех слезах умиления, с которыми мы думаем о родных полях и лесах, о родных обычаях и внимаем звукам родной песни. Тогда мы знаем, что милее, прекраснее родины нет страны на свете. [...]

(«Крушение кумиров»).



# О НЕОТЛОЖНЫХ МЕРАХ ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ, НАСЕЛЯЮЩИХ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Во исполнение Законов «Об охране и использовании памятников истории и культуры», «О местном самоуправлении в РСФСР», Земельного Кодекса РСФСР, Постановления Верховного Совета РСФСР от 25.12.90 № 447-1 «О неотложных мерах по сохранению национального культурного и природного наследия народов РСФСР» малый Совет Совета народных депутатов автономного округа РЕШИЛ:

1. Объявить объекты историко-культурного и природного наследия (историко-культурные и природные территории, памятники и объекты истории и культуры, архитектуры, искусства, науки и техники) национальным достоянием народов, населяющих автономный округ.

2. Одобрить работу администраций Советского и Нефтеюганского районов по учету и сохранению историко-культурного наследия в округе.

3. Администрации автономного округа принять меры по созданию системы сохранения и использования историко-культурного наследия автономного округа, имея в виду:

3.1. Создание на первом этапе региональных служб на базе Советского и Нефтеюганского районов, а в последующем — структурных подразделений администраций округа, городов, районов.

3.2. Начать работу по инвентаризации объектов историко-культурного наследия, выявлению на территории округа и поставке их под охрану.

3.3. Поручить администрации Советского района, региональной службе организовать инвентаризацию памятников и территорий и разработать программу мер и механизмов по сохранению и использованию историко-культурного наследия.

3.4. Предусмотреть в бюджете необходимые расходы для содержания структурных подразделений, проведения работ по инвентаризации и разработке программы, создания особо охраняемых территорий (национальных парков).

3.5. Создать экспертную комиссию с участием представительных институтов коренных народов и поручить ей организацию и инвентаризацию в округе памятников и территорий, разработать программу мер и механизм по сохранению и использованию историко-культурного наследия.

4. Советам народных депутатов автономного округа принять практические меры, оказать содействие в проведении вышеуказанных работ на своих территориях.

Председатель Совета народных  
депутатов автономного округа

В. А. Чурилов  
18 июня 1992 г.



# КОНЦЕПЦИЯ

## развития культуры народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе (республике) на 1992—2000 годы

Концепция основана на признании того факта, что созданная тысячелетним развитием культура северян представляет собой цивилизацию, равную всем прочим, хотя и иную по своему характеру и внешним формам. Для ее обозначения предлагается ввести в понятийный аппарат официальной документации и средств массовой информации термин «северные цивилизации». Наряду с ними, в современный период на севере функционирует еще одна цивилизация, которую можно обозначить как индустриальную, либо как цивилизацию европейского типа.

Основные положения концепции базируются на понимании культуры как важнейшего средства (основы) существования этноса, показателя его устойчивости и, одновременно, развития. Народы Севера с собственной традиционной культурой выступают субъектами исторических процессов. Эта культура сохраняется до настоящих дней как живая функционирующая система у населения, ведущего традиционный образ жизни. У той части населения, которая по объективным причинам отторгнута от традиционной культуры, в настоящее вре-

мя пробудился или пробуждается интерес к собственным историческим корням и желание вернуться к ним для использования в новых условиях.

Важнейшее условие сохранения и развития северной цивилизации — сохранение среды обитания, каковой для северян является природа.

Национальная культура представляет собой единство национально-особенного и национально-общего (интернационального), поэтому при разработке концепции нужно учитывать их соотношение.

Интернациональное не есть ассимиляция, так как не только не разрушает национально-особенное, но и обеспечивает развитие национальной общности. Необходимо найти оптимальное соотношение национального и интернационального, а также традиционного и современного.

Бережное отношение к национально-особенному (этническому) не должно трансформироваться в его искусственное культивирование, что может привести к этнической ограниченности, к сдерживанию развития. Равным образом, не должно форсироваться и освоение об-

---

Публикуемый документ — один из тех, что были рождены в результате состоявшейся в апреле 1992 г. в Салехарде научно-практической конференции «Концепция социально-экономического развития коренных народов Ямало-Ненецкого автономного округа (республики) в новых экономических условиях». Содержащиеся в нем идеи, по мнению редакции, представляют интерес и для читателей «Югры».



щего, что может привести к разрушению национального.

Резкое вторжение промышленного освоения в жизнедеятельность народов Севера, либо изоляция их от достижений иных цивилизаций — не отвечают потребностям национального развития и не могут способствовать общественному прогрессу на современном этапе.

Должен быть создан такой механизм, который обеспечил бы непосредственное участие самих народов Севера в выработке решений, определяющих социальный и национальный прогресс.

Мы исходим из той общей идеи, что у культуры есть прошлое, настоящее и будущее. Прошлое требует охраны, настоящее — обеспечения условий существования и развития, будущее — перспективного видения и чувства ответственности.

## ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1.1. Способствовать становлению и развитию окружного научного центра гуманитарной помощи. Расширять исследование национальных культур, полнее использовать научный потенциал лабораторий. При этом исходить из приоритетного значения пропаганды историко-культурного наследия народов Севера и его публикаций. Добиться координации усилий научно-исследовательских институтов, специалистов в области охраны историко-культурного наследия, работников музеев, занимающихся изучением народов Ямала.

1.2. Бережно сохранять и развивать элементы традиционной материальной и духовной культуры, совместно с научными центрами вести исследовательскую работу по описанию, систематизации, анализу сохранившихся элементов традиционной культуры.

1.3. Способствовать росту общественной активности северной национальной интеллигенции, развивать различные формы творческих объединений национальных северных писателей, поэтов, художников, композиторов, мастеров художественных промыслов, сказителей и др.

1.4. Совершенствовать методы культурной работы среди коренного населения Севера.

1.4.1. Создать в Салехарде, на базе

ОДКНС, окружной центр национальной культуры.

1.4.2. Создать в городских и сельских населенных пунктах округа этнические культурные центры, сохраняя, при необходимости, и агитационно-культурные бригады.

1.4.3. Расширять сеть передвижных учреждений культуры.

1.4.4. Искать новые формы выявления и популяризации элементов традиционных культур, а также традиционных способов организации досуга — в соответствии с региональными (историко-региональными) условиями, на основе обрядов, праздников, традиционных видов спорта.

1.4.5. Разработать и ввести в практику статус особо охраняемых заповедных мест как центров сохранения традиционной культуры (памятники архитектуры, музеи под открытым небом, древние поселения, могильники, так называемые «святые места» и т. п.), обеспечив охраняемые меры. Вести работу по подготовке свода археологических и этнографических памятников культуры.

1.4.6. Укреплять материальную базу учреждений культуры.

1.4.7. Для обеспечения преемственности в развитии национальной культуры наладить тесную связь школ и детских дошкольных учреждений с учреждениями культуры и искусства.

Преподавание основ народной культуры должно включать цикл дисциплин по истории края, по эпическому и музыкальному фольклору, хореографии и прикладному искусству, воссозданию традиционной культурно-бытовой среды (этнографии).

1.4.8. Обеспечить квалифицированный отбор — на конкурентной основе — из коренного населения будущих кадров работников культуры; приблизить их подготовку к специфике культурно-исторической среды обитания народов Севера; обеспечить трудоустройство этих специалистов.

1.4.9. Развивать национальные художественные промыслы через создание мастерских по народным промыслам и вести индивидуальную работу с народными мастерами и умельцами. Укреплять материальную базу промыслов, организовать подготовку кадров мастеров



из числа молодых представителей коренных народов Севера. Производить отбор талантливых мастеров и объединять их в артели, малые предприятия ассоциации и прочие некоммерческие и коммерческие структуры по выпуску традиционных видов одежды, обуви, головных уборов, национальных украшений, других предметов быта и товаров народного потребления и национального спроса. Сделать обязательным прохождение производственной практики учащимися старших классов на базе этих формирований.

Развивать профессиональную культуру на базе традиционной (литература, живопись, графика, скульптура, хореография, вокальное искусство, музыка, национальный театр), улучшить подготовку кадров через консерватории, художественные учебные заведения, литинституты, театральные училища.

1.5. Совместно с комитетом по культуре и туризму, комитетом по народному образованию и науке, окружным краеведческим музеем, редакциями окружных газет «Красный Север» и «Нарьяна Нгэрм», государственной телерадиовещательной компанией «Ямал» разработать комплексную программу пропаганды национально-традиционной культуры коренных народов Севера, предусмотрев в частности:

— организацию местных теле-радиоканалов и передач на языках народов округа;

— создание фонотеки северного песенного и словесного фольклора;

— расширение экспонирования элементов традиционной материальной культуры в краеведческих музеях;

— разработку системы передвижных выставок; этнографических, декоративно-прикладного и изобразительного искусства коренных народов Севера;

— налаживание регулярного выпуска грампластинок с записями северной музыки, песен и т. п.;

— создание серии фильмов о декоративно-прикладном искусстве, народных промыслах, о традиционных праздниках для общеобразовательных школ, музеев, коллективов самодеятельного художественного творчества с приоритетом коллекций и предметов материальной культуры;

— проведение обмена выступлениями творческих коллективов между автономными округами;

— продолжение работы по подготовке пособий для общеобразовательных школ по истории края и жизни народов округа.

1.6. Разработать курс краеведения (особенности истории и природы края) с обязательным ознакомлением некоренного населения, проживающего в районах расселения народностей Севера, работников промышленных предприятий с нормами деятельности в специфических северных условиях.

1.7. Принять меры по созданию окружной издательской базы, а также активизации выпуска Госкомиздатом учебной и художественной литературы на русском и национальных языках книг, атласов, альбомов, буклетов и т. д., посвященных культуре ненцев, ханты, селькупов, коми-зырян.

1.8. Усилить внимание к проблемам освоения культурных ценностей иных цивилизаций, к поискам путей интеграции традиционного и нового в развивающейся национальной культуре.

1.9. С целью развития межнациональных отношений регулярно проводить праздники национальных культур Российской Федерации и СНГ в порядке творческого обмена.

1.10. Широко развивать международные связи в области культурной политики. Практиковать направление представителей округа для прохождения стажировки в зарубежных вузах.

1.11. На основе концептуальных решений считать необходимой выработку социальных механизмов регуляции взаимодействия культур, которые обеспечат прогрессивно-созидательное влияние и охранительные меры от негативных явлений, оказывающих разрушительное влияние на культуру коренных народов.

1.12. Улучшить работу окружной ДЮСШ по национальным видам спорта, перевести ее под юрисдикцию окрсportкомитета.

**А. М. СЯЗИ,**  
зав. окружной лабораторией  
этнографии и этнолингвистики,  
**Н. В. ЛУКИНА,**  
научный руководитель,  
доктор исторических наук.



# ПРОБУДИТЬ ПАМЯТЬ

**Н**ЫНЕШНЕЕ состояние культуры вообще и культуры малочисленных народов Севера в частности некоторыми специалистами небезосновательно оценивается как близкое к катастрофическому. И тем не менее в округе все еще существуют очаги традиционного народного искусства, есть подлинные подвижники, радеющие за культуру, организации, призванные возродить древние обычаи и традиции, пробудить память в народе.

Задачу возрождения национальной культуры в округе призван решать прежде всего Центр культуры и искусства народов Севера, созданный на базе окружного Дома творчества. Слово — его нынешнему директору Соломиной Елене Павловне.

— Главной нашей задачей остается та же, что была и 10, и 20 лет назад — сохранение, развитие и пропаганда культуры и искусства народов ханты и манси. Мы должны собрать как можно больше, все, что пока еще можно зафиксировать, — ведь старики — носители национальных культур, языка — уходят от нас год от года. Мы должны не только собрать по крупицам их опыт и знания, но и сделать их доступными для населения, в первую очередь, для национальной молодежи, сохранить и донести до будущих поколений. А сделать это сегодня очень не просто.

Многое из того, что было в свое время накоплено Домом творчества, сегодня уже невосстановимо или в лучшем случае — восстановимо частично. У нас хранятся записи фольклора аганских, ваховских, казымских, юганских, угутских ханты, сосвинских манси, лесных ненцев, а также селькупов, зырян — всего около 300 фонограмм. Большинство этих записей сделано квалифицированными специалистами — Немысовой Е. А., Молдановой Т. А., Айпиным Е. Д., Айваседой В. С., Сайнаховой Н. В., Петровой В. А. и другими знатоками фольклора еще в конце 60-х — начале 80-х годов, но восстановить можно немногое — пленки пришли в негодность. Правда, кое-что уже издано или издается по договору с Новосибирской консерваторией, имеются первые нотные сборники, магнитофонные кассеты, выпущенные эстонцами пластинки с записями хантыйских песен в исполнении Галины Кузьминичны Тышкевич, Марии Кузьминичны Вагатовой, есть пластинка наигрышей, но все это — лишь малая часть имеющегося у нас богатства.

В наши планы входит и издание всего, что было зафиксировано в округе учеными из так называемого ближнего зарубежья. Еще раньше Домом народного творчества под руководством покойного ныне Михаила Ефимовича Бронникова были собраны работы местных самодеятельных и профессиональных художников. Это — живопись Михаила Климова, Петра Бахлыкова, Василия Гречко, Владимира Михеева, Леонида Зяблова, графические и цветные линогравюры Геннадия Райшева, акварели Петра Шешкина. Эти и другие работы, а их около стапятидесяти, многие годы лежат в непригодных для хранения запасниках, постепенно приходят в негодность, так как ими никто из специалистов не занимается. Надеемся, что осенью откроем, наконец, новый выставочный зал, где будут экспонироваться работы по декоративно-прикладному искусству, а высвобожденный зал используем для выставки произведений местных художников. Очень жаль, что округ не имеет до сих пор музея изобразительных искусств, где можно было бы создать идеальные условия для хранения и экспозиции работ.

Планы большие. В ноябре думаем провести семинар фольклористов с приглашением всех желающих и серьезно занимающихся изучением устного народного творчества. Ожидаем приезда научного сотрудника Венгерской Академии наук Евы Шмидт, имеющей большой опыт в сборе и записи фольклора. К семинару намечаем приурочить и конкурс композиторов. Есть идея свести вместе фолькло-



ристов, композиторов и музыкантов. Такое общение необходимо для пользы дела. Проведем семинар и по игре на каком-нибудь национальном музыкальном инструменте. Опыт имеется — в прошлом году успешно провели семинар по игре на салкватипе.

Все это пока только лишь планы. Сегодня же мы озабочены тем, чтобы издать подготовленный к выпуску сборник хантыйских сказок казымского региона, сборник пословиц и поговорок, собранных Сайнаховой Наталией Васильевной. Необходимо обработать и придать законченную литературную форму сценарию праздника водяного царя — Витхона, созданного на основе обработанного мансийского фольклора Садоминым Николаем Михайловичем.

Способствуем возрождению наших традиционных праздников и обрядов. Кое-что удастся. Взять, к примеру, медвежьи игрища, проводимые, как правило, в глубинках. Первые такие открытые игрища были проведены еще в 1986 году на реке Аган, куда выезжал и наш бывший сотрудник, писатель Еремей Айпин; вторые памятные жителям окружного центра игрища были проведены через два года на ханты-мансийских холмах перед отъездом делегации наших участников на 1-й Международный фольклорный фестиваль, где эти игрища впервые были показаны широкой публике.

Ну а теперь медвежьи игрища проводятся практически повсеместно. Мы уже физически не успеваем побывать не только на всех праздниках, но даже зафиксировать все не удастся. Причем, проводятся как региональные, так и семейные праздники. Например, в стойбище Лозямовых, о котором недавно писала окружная газета. В Тегах прошел Вороний праздник — праздник встречи весны у ханты. В прошлом году был показан свадебный обряд манси в Ломбовожском Доме национальной культуры. В нынешнем году окружной фестиваль югорского искусства провели по этническим центрам проживания ханты, манси и лесных ненцев. Первый этап этого фестиваля состоялся в начале июня на священном озере Нумто, куда лесных ненцев из Варьегана и Нумто Березовского района доставили на вертолетах. Второй этап прошел в Ванзевате Белоярского района, где собрались ханты. Здесь праздник длился два дня. В первый день был показан обряд жертвоприношения, на другой проведены спортивные состязания и состоялись концерты фольклорных коллективов, работала выставка произведений декоративно-прикладного искусства, живописи и детского рисунка. Эта выставка открыла много новых имен. Об Артеме Григорьевиче Гришкине мы до сих пор знали только как о хорошем музыканте-исполнителе. Оказалось, он еще и одаренный живописец. Жителям округа предстоит знакомство с его картинами.

Большой интерес у зрителей вызвали изделия народных мастериц из Полновата и Ванзевата. В Ванзевате, к месту будет сказано, создан на общественных началах музей, где собраны уникальные экспонаты, которыми мог бы гордиться и окружной краеведческий.





Главный вывод, который я для себя сделала после фестиваля, — возрождение национальных культур, искусств — не пустые фразы. Возрождение началось, движение идет. У людей возрос интерес к прошлому, пробудилась потребность в изучении истории края, быта и традиций предков. И, что особенно важно, интерес появился у молодежи, даже у детей. Отрадно, что в том же Ванзевате выступили и детские национальные коллективы.

И, наконец, третий — заключительный — этап окружного фестиваля прошел в Ломбовоже Березовского района, куда съехались манси...

К сожалению, мы пока не наладили тесных деловых контактов с зарубежными коллегами, и совместной исследовательской работы не ведется, а хотелось бы. Но уже продлили договор о сотрудничестве с Тартуским национальным музеем, выходим на контакты с венграми и финнами.

О наших взаимоотношениях с научно-исследовательским институтом социально-экономического и национально-культурного возрождения обско-угорских народов, институтом повышения квалификации педагогических кадров, ассоциацией «Спасение Югры». Я вижу все эти коллективы в перспективе не как отдельные структурные единицы, а как единый этнический Центр, работающий на одну идею. Мы и сейчас в общем-то решаем одни задачи.

Хотелось бы видеть в числе своих помощников и единомышленников и Угро-Ямальскую писательскую организацию. Ведь когда-то в окружном центре областной писательской организацией регулярно проводились окружные семинары совещания молодых поэтов, прозаиков, фольклористов, и мы знали имена этих людей. Но за последние годы не проведено ни одного такого семинара. Писателей как бы и не стало. Я по крайней мере не могу назвать ни одной новой фамилии литератора из числа ханты или манси, окончившего Литературный институт или выпустившего книгу своих произведений. Что это — иссякла земля югорская на таланты? Или талантам проявиться мешают экономические трудности? Или — что-то иное? А ведь литераторы могли бы оказать нам неоценимую помощь в сборе и обработке фольклора. Мы очень нуждаемся в квалифицированных кадрах...

О проблеме кадров разговор особый. Дело в том, что культура у нас в стране всегда финансировалась по остаточному принципу. Не исключение и мы. И хотя нам в последнее время хорошо помогает Северный фонд окружной администрации (благодаря ему мы смогли отправить фольклорную группу из поселка Русскинские на праздник песни в Финляндию, провести уже упомянутый мною фестиваль), бюджетных ассигнований явно недостаточно. Мы не можем принять на работу даже хорошего специалиста по звукозаписи по причине смехотворно низких по нынешним временам окладов.

Нам нужны люди не только со специальным образованием, но и в первую очередь — со знанием родного языка. На сегодняшний день имеются вакансии методистов по работе с лесными ненцами, манси, хантами восточного региона, то есть с этими регионами из-за отсутствия специалистов работа практически не ведется. Считаю, мы должны обучать свою молодежь не только в Ленинградском педагогическом институте имени Герцена, но и, скажем, на факультете этнографии Тартуского университета или в Екатеринбургском университете, тем более, что там заинтересованы в открытии факультета или отделения по фольклору и этнографии обско-угорских народов.

Проблема молодых специалистов существует. Но есть надежды на заинтересованных людей. Я надеюсь, что выпускница Салехардского училища искусств Людмила Вагатова поступит учиться дальше. Надеюсь на дальнейшую помощь Тимофея Алексеевича и Татьяны Александровны Молдановых, работающих сейчас в Белоярском архиве фольклора. Надеюсь на нынешних студентов Ленинградского педагогического института им. Герцена. Словом, надежда на молодых, неравнодушных к своей истории, к прошлому, настоящему и будущему своих народов.

Рис. А. Мухаметовой



## ПО СТРАНИЦАМ «АГИНСКОЙ ПРАВДЫ»

### ЮБИЛЕЙ ШКОЛЫ

Исполнилось 150 лет со дня основания Агинской средней школы № 1. Многие ее выпускники — ученые, специалисты, работники культуры и искусства — живут и успешно трудятся в округе и республике.

В настоящее время здесь работает коллектив из 60 человек; среди них 21 — выпускники родной школы. Педагоги совместно с лабораторией научно-исследовательского института проблем развития национальных школ под руководством окружного и районного отделов народного образования разрабатывают пакет документов национальной школы-гимназии. Предполагается введение таких предметов, как «Бурятоведение», «Литература народов Востока», «Основы буддийской философии», «Монгол бичиг» и другие.

### В ВИХРЕ ВАЛЬСА

На центральной площади поселка Агинское состоялся конкурс бальных танцев в рамках летней спартакиады. На конкурс съехались танцевальные коллективы сельских домов культуры района. Они продемонстрировали зрителям свое умение пройти в вальсе и в одном из танцев 50—60-х годов. В третьем туре представили еще один номер на свой выбор. Компетентное жюри работало по десятибалльной системе. Из всех семи коллективов-участников выделялся Судунтуйский. Танцы, поставленные Б. Базаргуруевой, отличались красотой, богатством содержания, красочностью костюмов. Этот коллектив заслуженно занял в конкурсе первое место.

Бурю восторга вызвало выступление танцевальных коллективов из Цокто-Хангила, Челутая, Кункура, совхоза «Хилинский», Южного Аргалея. Примечательно, что конкурсанты из Челутая все были братья и сестры Жанабазаровы.

### В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

Тягу к художественному слову Хандажап Будаева из Дульдурги почувствовала рано. Мать рассказывала детям легенды, сказки, читала стихи на бурятском языке. С пятого класса начала Хандажап посещать занятия на факультативе, который вела учительница родного языка Цыбжит Балдоржиева. Она сумела привить своим ученикам любовь к бурятскому языку и литературе. Ей показывала Хандажап свои первые стихи.

Благодаря поддержке известного поэта Б. Макарова ее произведения получили путевку в жизнь. Земляки поэтессы оказали ей спонсорскую помощь. Помогла деньгами и ассоциация «Дульдурга». Согласились печатать книжку полиграфисты окружной типографии. Вот так, с божьей помощью, опираясь на добрых людей, выпускает Хандажап Будаева свою первую книжку.

### НЕ ИССЯКАЕТ «БУЛАК»

После двухлетнего перерыва возобновил свои выступления ансамбль культуротников Дульдурги «Булак» («Родник»).

В новой программе яркими моментами стали фрагменты из спектакля «Черт в сундуке» Ц. Шагжина в постановке режиссера Д. Димчикова, песни в исполнении Д. Бабуевой, актерская игра Д. Хасаранова, В. Черникова. Поставлены концерты в Дульдурге, Узоне, Алханае. В плане творческого коллектива — поездки в другие села района.



# БИБЛИОТЕКА: ДЕНЬ НЫНЕШНИЙ

Наш собеседник — директор центральной библиотечной системы Советского района Татьяна Константиновна Пакина.

— Какие недуги переживает библиотечная сеть района в последнее время? Что обострилось?

— Одно из явлений последнего времени — закрытие ведомственных библиотек. Практически все они прекратили существование, остались только две технических, медицинская и научная библиотека при заповеднике. Это, конечно, существенная потеря. Вот, к примеру, когда готовились закрывать партийную библиотеку, я возражала, просила: оставьте, нам некуда принять ее фонд, нет помещений. Все-таки закрыли. Часть книг мы, конечно, взяли, а часть ушла в макулатуру, и теперь, когда порой читателю приходится отказывать, с сожалением вспоминаем: а в партбиблиотеке эта книга была.

Главное, что нас волнует, — это комплектование. В деньгах районная администрация, надо отдать ей должное, пока нас не ограничивает. Но на что их истратить? Вот тут сразу выплывает целый ряд проблем. Прежде всего, теснота и малая приспособленность к библиотечным нуждам помещений, особенно в Комсомольском. Там из четырех библиотек только две имеют более или менее сносные помещения и надо что-то срочно предпринимать. Оставляет желать лучшего положение в поселках Коммунистическом, Малиновском, Юбилейном. Да и центральная библиотека тоже неудобно расположена на первом этаже пятиэтажного жилого дома. Я предлагала: давайте построим хороший культурный центр, который вместил бы и библиотеку, и музей, и музыкальную школу. Пока, сказали, нет денег.

Во-вторых, библиотеки задыхаются без оборудования. Нет стеллажей, читательских столов, и мы нигде не можем их достать. Это проблема из проблем. Один из тюменских заводов выпускал стеллажи — мы туда и деньги перечислили, и целый год вели переговоры, но в итоге ничего не получили. Вот поэтому я и поднимала вопрос о том, чтобы наладить выпуск этой мебели в нашем районе. Сказали, что вопрос разрешимый. Я теперь должна достать чертежи или хотя бы эскизы этой мебели. Послала заказ в Санкт-Петербург, но пока молчат. Однако, думаю, мебельную проблему мы все-таки года через два-три разрешим на месте. А рынок сбыта будет, ведь у соседних городов и районов, да и во всем округе те же нужды, а служба снабжения оборудованием, организованная при окружном управлении культуры, только собрала заявки, но практически помочь ничем пока не смогла.

— Почему так остро стоит вопрос комплектования? Вы уже перестаете удовлетворять читательский спрос?

— Во-первых, из-за высоких цен. Но главная причина — в издательской политике. Если раньше центральные библиотеки как-то влияли на издательские планы, то теперь издатели нашим мнением не интересуются. Или они получают информацию о спросе от книжной торговли, или вообще только на собственные вкусы ориентируются, но того, что нам нужно, не издают. Наш читатель — это в основном молодежь и пенсионеры, люди среднего возраста читают мало. И мы даже школьников не можем сейчас удовлетворить, не то что специалистов.

— Но, видимо, на возврат к прежним условиям вряд ли можно рассчитывать. Издательское дело коммерциализировалось, наверное, бесповоротно и обратное движение в сторону выпуска некоммерческой литературы если какое-то и есть, то вряд ли оно быстро наберет силу.

— Мне кажется, государственная издательская политика все равно должна быть. Ну, хорошо, они сейчас наводнят рынок этой коммерческой литературой, но в конце концов дойдут до того, что ее вообще покупать не будут. По спросу в библиотеках это уже чувствуется. Детям, конечно, нужны и фантастика, и детектив,



но нужны-то хорошие произведения этих жанров. А в магазинах — однодневки, которые уже не пользуются популярностью за рубежом.

Я недавно была на совещании в Тюмени и там высказывалась большая тревога: если не изменится издательская политика и не будет нормального комплектования литературой, как мы будем жить? Придется библиотеки закрыть.

— Но ведь книга не так быстро изнашивается. Если сейчас совершенно прекратится комплектование, то...

— Ну, лет десять продержимся и—все.

— Неужели за десять лет государство не почувствует, что мы движемся к крайней степени одичания?

— Во всяком случае могу сказать, что раньше комплектование было лучше, я знаю это на примере нашей библиотеки, которая начала складываться в шестьдесят седьмом году. Фонды были богаче. Тогда еще не было такого бума приобретения книг для частных собраний, и работники книжных магазинов при получении новой литературы сразу звонили нам: придите, выберите. И мы приобретали все лучшее. А потом, когда начался приобретательский бум, о нас сразу забыли. Мы многое потеряли. В частных собраниях скопились такие книги, каких мы и не видели.

— Мы и книжную торговлю на этом потеряли. Ее почти перестал интересовать читатель, ищущий книгу, и на первый план вышел выгодный покупатель.

— Но мы все-таки стараемся литературу достать. Покупаем, где только можно, даже и по дорогим ценам. В бибколлекторе стараемся заказать максимум возможного. Книготорговые бюллетени обрабатываем так, чтобы нам побольше дали литературы. В Тюмени к нам приходил представитель «Интербука» — с ним договорились, будут нам посылать книги. В подписных изданиях Роспечать нам не отказывает, все их имеем. Периодику стараемся выписывать как можно больше, тут нам нет отказа.

— Вы делаете попытки привлечь общественное внимание к тем трудностям, которые переживает библиотечное дело?

Пытаемся, но мало что выходит. Мы провели в мае неделю библиотек в районе, приобрели каких-то новых читателей своими мероприятиями. В ходе ее мы поняли, что наши проблемы будут разрешаться руководством района, хотя бы частично. Но время для этой акции выбрали неудачно, нужно было проводить ее осенью. А в конце весны многим стало не до нас: тут и переводные экзамены в школах, и начало работ в огородах. Да и вообще сейчас на первом плане у людей другое: как деньги наличными получить, где что купить? Даже и те, кто любит читать, сейчас в библиотеки не идут.

— Но не считают же библиотекари свое дело обреченным?

— Нет, мы уже привыкли к новой ситуации, не унываем. Люди-то у нас хорошие работают, с большим опытом. Сейчас взяли направление на нравственное возрождение, пытаемся с помощью художественной литературы на эмоции, на чувства людей влиять. Если раньше была такая политика, что нас заставляли строго дозировать выдачу книг (не дай бог, например, выдать художественной литературы не 50, а 60 процентов от общего фонда — нас ругали за то, что мало выдаем политической, технической, сельскохозяйственной литературы, и мы делали то, что нам не нравилось), то теперь библиотекарь делает то, к чему у него лежит душа. Нравится ему поэзия или искусство — он ими и занимается, с душой уже. Больше у него возможностей для творчества — значит больше интерес и у читателей. Библиотекарь теперь работает раскрепощенно, стала полнее проявляться его индивидуальность. Получило развитие клубное направление, потому что при организации клубов мы исходим только из интересов читателей. Пусть собирается и немного людей, всего 10—12, но они приходят постоянно и нам интересно общаться.

И читательский спрос последние лет пять держится примерно на одном уровне, несмотря на сильное влияние телевизора, видео. Я считаю, что спада нет и нас все еще ценят. Думаю, библиотеки, все-таки никогда не закроются, потому что для общества это была бы невосполнимая потеря.



# ТОВАРИЩ

Вероятно, читатель уже заметил, что в последнее время произошли значительные изменения стилистических оттенков некоторых слов русского литературного языка. Давно ли, казалось бы, слово «товарищ» придавало нашей письменной и устной речи оттенок торжественности, приподнятости. Оно, это слово, не воспринималось и чрезмерно официальным даже в контексте обиходной, разговорной речи. Теперь же, к огорчению, убеждаешься в том, что некоторые привычные, общеупотребительные слова, в том числе «товарищ», употребляются в основном в каком-то пренебрежительном, презрительном значении, а то и с явным намеком на архаизм понятия. Замечаешь как стушевывается иной оратор, из уст которого сорвется невзначай — по привычке — это старое доброе слово...

Задумаемся. Разумно ли мы поступаем, вытесняя через силу это слово из живого употребления? Правильное ли значение ему придаем? Не является ли отказ от слова еще одним доказательством нашей невежественности? Великий Рене Декарт в свое время получал соотечественников: «Определяйте значение слов, и вы избавите мир от половины заблуждений».

Все дело, по-видимому, в том, что слово «товарищ» глубоко укоренилось в нашем подсознании далеко не в первоначальном значении: «Человек как член советского общества, как гражданин социалистической страны или как член революционной рабочей партии» (С. И. Ожегов. Словарь русского языка).

Обратимся к сокровищнице меткого народного слова — словарю Даля. Слово «товарищ» имеет у него несколько значений:

ДРУЖКА, СВЕРСТНИК, РОВНЯ; ОДНО-ЛЕТОК; ОДНОСУМ; ПОМОЩНИК; СОТРУДНИК; СОУЧАСТНИК; КЛЕВРЕТ,

СОБРАТ; СОВОСПИТАННИК, СОСЛУЖИВЕЦ.

Можно привести богатый иллюстративный материал из пословиц и поговорок:

В дороге сын отцу товарищ.

Гусь свинье не товарищ.

По товарищам и слава.

Умный товарищ — половина дороги.

Родной брат продаст, а товарищ невыдавцы!

Слово «товарищ» породило не так уж и много производных — у Даля их приведено всего четыре, но поражает богатство оттенков значений:

ТОВАРКА, ТОВАРИСТКА — подруга, подружка, другиня; пособница, помощница, участница в деле. (Товаркою в Сибири муж зовет жену свою).

ТОВАРИЩЕСКАЯ — (торговля, пирушка). Обойтись товарищески, по-товарищески.

ТОВАРИЩЕСТВО — состояние, быт, связь, союз и взаимные отношения товарищей; условные, обычаем введенные отношения между всеми совоспитанниками, сослуживцами, однополчанами; круговая порука; братство или артельщина двух или многих людей, союз на известное дело, общество, компания...

Не вдаваясь в этимологию слова «товарищ», можно сказать, что оно, равно как и «товарищество», во все времена имелось в поэтическом языке русских поэтов и писателей — от неизвестного создателя «Слова о полку Игореве» до ныне работающих в литературе...

Мы живем в непростое время. Но именно сегодня пришло «Время собирать камни» разрушенного Храма народной культуры. А ведь известно, что на Руси новые Храмы строили на месте разрушенных. Поэтому верится, что прекрасное слово «товарищ» обретет наконец, свое первоначальное, не искаженное новыми идеологиями, значение.







# ФАНТАЗИИ НАТАЛЬИ ВОЛИК

**В** Мегионском этнографическом музее прошла выставка живописи и графики нижевартовской художницы Натальи Волик, открывшая зрителю ее своеобразие, удивительное мировосприятие.

Наташа родом не северянка, в семилетнем возрасте родители привезли ее в Нижневартовск из южного города Махачкала, но большая часть ее жизни прошла в нашем крае.

О себе она рассказывает так:

— Рисовать любила с детства. Рисовала много. Часть тех детских работ сохранила мама Валентина Арсентьевна. В шесть-семь лет мне очень нравилось изображать людей и особое внимание я уделяла одежде. Родители заметили способности к рисованию и определили на художественное отделение школы искусств. Моими преподавателями были Б. А. Стрельников, И. Д. Кузнецов, В. А. Богданова. Занималась с большим удовольствием и получила хорошие знания по рисунку, живописи, композиции и истории искусств.

В 1979 году обучение в ДШИ было закончено и появилось новое увлечение — я углубилась в изучение математики, физики, химии. Участвовала в городских, окружных, областных и республиканских олимпиадах по этим предметам. А все потому, что в нашей школе работал прекрасный педагог — Ю. Ф. Андрусов. Мое увлечение было таким, что я поступила и в 1983 году окончила физико-математическую школу при Новосибирском госуниверситете Сибирского отделения Академии наук. Но и там во время учебы желание рисовать не ослабевало. Тем более, что еженедельно нам читали лекции по искусству, музыке, поэзии. Мы часто бывали в театрах, музеях и концертных залах. В 1983 году я поступила в Омский технологический институт на художественное отделение, а по его окончании получила специальность художника-модельера. По направлению работала преподавателем в Новосибирском институте легкой промышленности (филиал Московского технологического института). Здесь я преподавала живопись, рисунок и композицию.

В 1989 году родила дочь Татьяна и вместе с мужем мы приехали в Нижневартовск к моим родителям. Я занимаюсь воспитанием дочери, веду занятия в группе учащихся на художественном отделении ДШИ № 1 — помогаю моим бывшим педагогам. И в свободное время — обычно это выходные и праздничные дни — пишу натюрморты, работаю над моделями одежды.

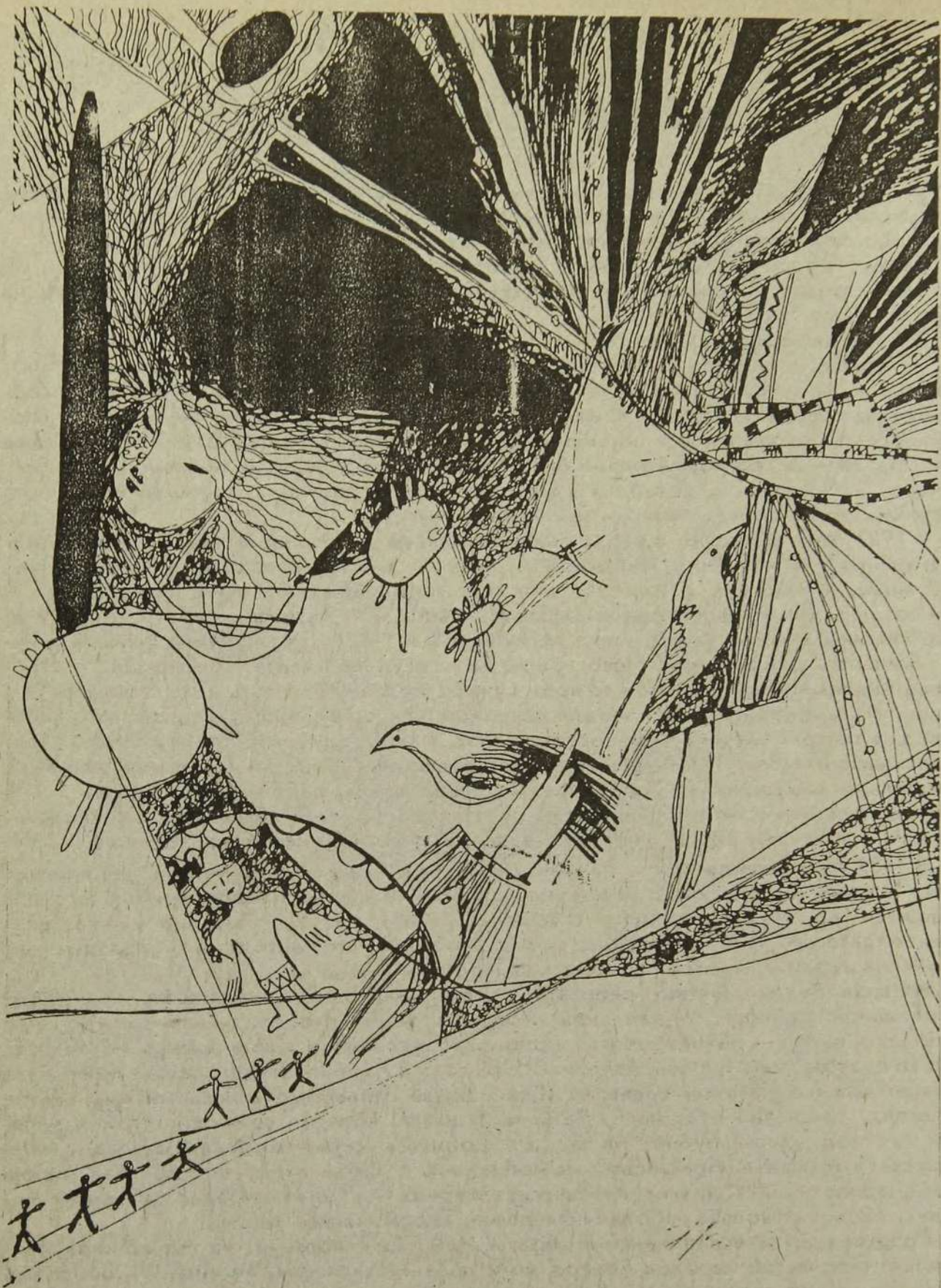
Наталья Волик мечтает работать по специальности и воплощать свои идеи в реальной одежде. У нее есть любимая тема — изобразительное искусство народов Севера — ненцев, ханты, манси. Это увлечение очень давнее и началось оно со знакомства с Юрием Вэллой. В 1985 году с группой студентов она приезжала в национальный поселок Варьеган. Юрий Вэлла открыл удивительный мир сказок и легенд, рассказал о шаманке Татьяне Уркачан, которая сочиняет стихи и напевает их под удары бубна. На бумаге родилась серия моделей одежды «Шаманка». Потом этот образ невесомой женщины с ликом луны, парящей над миром хаоса, воплотился в других поэтических сериях — «Белая лебедь», «Голубая лебедь», «Зеленая волна», «Солнечная дева», «Космическая дева»...

Создавая поэтические женские образы, Н. Волик использует не только изобразительное творчество народов Севера, но и древние сказания, легенды... Обрядовые песни помогают верно найти образ модели, создать настроение.

Представляя читателям журнала работы из серии «Шаманка», я бы хотела, чтобы зритель вместе с художницей проникся поэтическими образами Севера.

**О. ВАСИЛЬЕВА,**  
искусствовед.







# КОСМИЧЕСКОЕ И ЗЕМНОЕ

## Наталья Волик о своем творчестве

— Наталья Станиславовна, когда смотришь на ваши работы, невольно возникает вопрос: как в одном человеке сочетаются художник, видящий мир широко, масштабно, общо, и модельер?

— Дело в том, что есть мода практичная, а есть еще и непрактичная, которая называется авангардом. Авангард предполагает возможность шагнуть дальше, главное в нем — предугадать, что будет использовать мода через годы, какую одежду она предпочтет. Это можно сравнить с прогнозированием погоды: уловить, какая линия окажется перспективной в развитии моды, какие появятся новые элементы. Вообще все новое — это забытое старое, а то, что есть в моде, когда-то каким-то народом уже было воплощено. Значит нужно отыскать тенденцию в творчестве народных мастеров.

Я очень долго работала, но мне никак не удавалось выразить Север через одежды. Они у меня получались такие большие, широкие, мохнатые — все было не то, не то, не то... Я смутно чувствовала что-то другое, и понять это смогла только тогда, когда побывала в Варьегане у Юрия Вэллы, пожила в мире ненецких сказок, услышала в его исполнении стихотворения шаманки Татьяны Уркачан. Ни одной строчки я не запомнила, но осталось сильное эмоциональное впечатление, ощущение ветра, вихря, столкновения больших сил — и появилась серия из восьми работ под названием «Шаманка». Костюмной ее можно назвать только приближенно, она главным образом выражает мое эмоциональное состояние от встречи с народным искусством Севера. В шамане всегда концентрировалась культура Севера — видимо, поэтому отсюда я получила мощный импульс к созданию еще нескольких серий работ.

Одна из них называется «Насекомые». Я не хотела здесь копировать формы одежды, они только угадываются, а мне хотелось изобразить что-то легкое, изящное и этим показать, что культуру Севера тоже можно представить в авангарде.

— Это навеяно ненецкими и хантыйскими мотивами?

— Нет, здесь воплощен образ насекомого, но вот эту легкость я почувствовала именно в образе шаманки, просто она получила другой оттенок. А уже позднее, прожив это эмоционально, я пришла к орнаменту. Верно сказал кто-то, что в орнаменте отражена история народа, это своего рода письменность и вот к ней я и обратилась. Когда я увидела орнамент не отвлеченно, с позиций авангарда, а через образ шаманки, мне показалось, что люди, живущие на Севере, многое знали о космосе. Чум у них связан с космосом. И вот это постоянное пересечение гипербол в орнаменте — тоже какая-то космическая линия. Интересно то, что в этих линиях и японцы, побывавшие на выставке в Мегиионе, увидели что-то родное.

Для меня как человека, занимающегося изобразительным искусством именно в costume, необходим материал и не обязательно, чтобы это были формы одежды. Это могут быть узоры утвари, головных уборов, обуви, ведь источник-то один и изобразительные моменты все равно как-то перекликаются.

В каждой из моих работ сконцентрирована идея — что можно сделать? Из нее можно вывести несколько конкретных платьев, но это уже не столь интересно. Когда я рисую натюрморт, то стремлюсь к конкретике, а что касается costume — здесь не могу копировать. Если я буду только фиксировать, значит я буду этнографом, а это работа, связанная с познанием, но не с творчеством.

— А вам интересно самой воплощать эти идеи в costume?





— Конечно, интересно. И конечно, хочется, чтобы мои идеи обрели жизнь в изделиях швейного производства, но пока в нашем городе такой возможности нет. Средства, оборудование, ткани — все нынче проблема.

— Да, если бы это можно было увидеть на улице, на фоне всеобщего стандарта, появился бы новый существенный элемент городской культуры. Могут не обратить внимания на живопись, не слушать хор, но эстетика одежды интересна каждому. И остается пожелать, чтобы портные шили модные платья по вашим эскизам.

Интервью взял В. Константинов  
Рис. Н. Волик



# ВЕРАТТЫ ЁХ

В начале этого года в Нижневартовске было зарегистрировано предприятие «Вератты Ёх» («Хантыйские мастера»), организованное для производства изделий народных художественных промыслов из дерева, кости, меха, пошива национальной одежды, обуви и головных уборов, развития национальной культуры, выявления народных мастеров и оказания им помощи в приобретении материалов и оборудования, организации выставок и аукционов. Учредителями предприятия стали местное отделение ассоциации «Спасение Югры» (руководитель — Н. А. Исаев), я и мой брат Родион Тогачев.

11 марта предприятие провело первую выставку, в которой приняли участие юные умельцы из варьёганской школы, и посвятило ее 20-летию Нижневартовска. Были показаны изделия из бисера, маски, детские куколки акань, предметы быта народов ханты и манси. В выставочном зале звучала музыка, рожденная в тайге, предлагался чай, заваренный по рецепту ваховских ханты.

Задача, которую я перед собой ставлю, — собрать воедино художников-прикладников. В округе их довольно много, есть и самородки, и те, кто окончил специальные училища. Некоторых я знаю по совместной учебе в Салехардском училище искусств (бывшее культпросветучилище); это была хорошая школа, в которой мы получили знания и навыки

композиции, рисунка, живописи, резьбы по дереву, кости.

В жизни многое меняется, но творчество остается, и нельзя, чтобы оно было только для друзей и знакомых художника. Нужно выставлять работы на суд широкой публики и не бояться критики, а критика должна быть доброжелательной — такой, после которой хочется еще и еще работать в своей индивидуальной манере, выражать собственную мысль в изделиях из дерева, кости или другого материала.

В Ханты-Мансийске недавно образовалась ассоциация художников «Сорни най», взявшая на себя организацию выставок в округе. А сейчас создается объединение декоративно-прикладного искусства. Предлагаю мастерам-прикладникам встретиться в Ханты-Мансийске в сентябре — привезти и показать свои работы, рассказать о делах житейских, кто где работает, чем занимается, поделиться удачами и неудачами. Округное управление культуры обещает помочь организовать выставку, продажу работ. Будьте решительнее, тогда и трудностей не заметите, а возможно даже и заказы получите.

Если Вы заинтересованы в участии в такой выставке, звоните в Ханты-Мансийск по телефонам 4-21-53 и 4-22-53.

А. Тогачев



Рис. автора



# ВОССТАНОВИТЬ ПРАВА ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ

Вторжение нефтегазовой промышленности (да только ли ее одной?) на территорию Обского Севера, населенную издавна трудолюбивым народом, все больше и больше лишает коренных жителей рыболовных, охотпромысловых и оленепастбищных угодий, превращая ее в результате чрезмерной эксплуатации и вопиющей бесхозяйственности в безжизненное пространство и обрекая тем самым людей на полунищенское существование.

Автор статьи — участник первоначального земельно-водного устройства периода организации национальных округов, проводимого в 1930—37 г.г. с целью «опознания» территорий. Итогом этой работы было закрепление за коренным населением обоих кругов в долгосрочное пользование колхозов, совхозов, кооперативных и др. объединений оленепастбищных угодий 5975 тыс. гектаров и охотпромысловых угодий 79100 тыс. гектаров, из них по Ханты-Мансийскому округу оленепастбищных 9634 тысячи и охотпромысловых — 27300 тысяч. Право землепользователя было незыблемо, какой бы то ни был отвод земель из состава трудового использования мог производиться лишь по специальному постановлению Правительства РСФСР. Так что же случилось за последние десятилетия? Почему фактическое нарушение прав и границ землепользования стало обычным явлением при молчаливом согласии, если не прямом попустительстве правительства?

Считаю, что вторжение нефтяной и газовой промышленности в значительной степени облегчила территориальная разобщенность коренного населения, проживающего в местах расположения угодий — верховьях рек, на водоразделах. Такой порядок использования промыслов (исторически сложившиеся «вотчины» того или иного рода или групп хозяйств), еще не был полностью изменен проектом первоначального земельно-водного устройства округов, что требовало определенного времени. Население продолжало жить разобщенно и вести свое хо-

зяйство в индивидуальном порядке, лишь изредка прибегая к артельному, коллективному или кооперативному труду. Почти каждое хозяйство или группа их имели на местах промысла, в зависимости от сезона, свои избы, юрты, стойбища, где и проживали всей семьей, переезжая с места на место, т. е. вели полукочевой или кочевой образ жизни.

В этой связи хочется высказаться в защиту мероприятий по переводу коренного населения на оседлость с развитием на местах сселения дополнительных отраслей подсобного хозяйства, как это удалось отчасти сделать в населенных пунктах Теги, Сосьва, Угут, Варьеган, Аган и др. Хозяйства, селившиеся в укрупненные поселки, несомненно, смогли бы решительным образом защитить право пользования искони принадлежащими им промысловыми угодьями. Теперь же население вынуждено уходить со своих земель на отдаленные и менее продуктивные промысловые угодья. Например, на обширном водоразделе верховьев рек Пима и Тромъегана возник город нефтяников Когалым, а не так давно здесь размещалось свыше сотни хозяйств ханты (рода Неперовых, Востокиных, Рынковых, Покачевых, Сопочинных и др.), которым пришлось уйти с насиженных веками мест. В 50-х годах самим населением здесь были выбраны центры сселения в поселках Кочевые и Русскины, тогда же началось строительство. Однако осуществить замысел не удалось. Произошли те экономические преобразования, о которых шла речь выше. Местные партийные и советские органы не смогли принять каких-либо сдерживающих мер и по существу ушли от ответственности за выполнение ранее принятых программ национального возрождения коренных народностей Севера, их экономики и культуры.

**В. Балин,**  
землеустроитель,  
ветеран труда.



# Наедине с природой



18 августа 1942 года я добыл из ружья первый трофей — кулика-турухтана. Пропустив за полвека по причине учебы лишь два охотсезона, думаю, вправе считать на собственном примере, что высший смысл охоты — постижение ее подлинной поэзии и одновременно — собственного единства с Природой. И не просто как с красивым ландшафтом, а в более широком, может быть, даже космическом плане.

Теоретическое изучение наук, связанных с земледелием, основ ботаники, зоологии, метеорологии и астрономии, практическое познание местных птиц и зверей, деревьев, трав и цветов, народных примет, фенологические наблюдения, сравнения и описания увиденного — неминуемо вели от радостно-эмоционального созерцания к размышлениям, попытке осознать те или иные явления или хотя бы глубже понять и больше узнать.

Сначала заставила задуматься ежедневно наблюдаемая взаимосвязь постоянного и переменного в природе — погода, времена года, циклическое развитие всего живого, а особенно перелеты птиц. С детства меня поражала точная определенность весенних утиных маршрутов. Вот этот мысок на пойме из года в год добычливое место, именно над ним пролетные утки и гуси пересекают сор (разлив). А сядь в стороне метров за 200—300 — подлетят лишь случайные местные стайки. Недаром ханты ставили свои сети-перевесы в строго определенных местах, сохранивших название «кысканы». Увидишь высокие колья на берегу, вставай на вечерней заре и точно в этот прогал пойдут серые утки, особенно чирки — им и поднявшиеся за десятилетия кусты нипочем.

Но если прилет птиц проходит в белые ночи, то как они ориентируются, улетая на юг кромешными осенними ночами? Отец говорил мне, что по Млечному пути. Как же тогда в пасмурную погоду? И только вникнув в проблему кольцевания, подержав в руках не один десяток меток перед отправкой в Москву, немало прочитав и написав на эту тему, я узнал какие и куда улетают птицы, какими путями. А ориентируются они, как и люди, — днем по солнцу, ночью по звездам, а также по магнитному полю земли (компас). Но еще доказано, что пернатые обладают способностью проводить навигацию, то есть определять свое местонахождение. Что это за прибор и почему у нас его нет? И встают вопросы генетики (врожденное программирование?), философии (кто вложил в птицу неведомый прибор?). И, наконец, — бионики: как разгадать принципы и использовать на благо современной техники?

Но самые сложные, часто натыкающиеся на какой-то непреодолимый барьер и не лишенные страха раздумья гипнотически рождает звездное небо — о вечности и бесконечности материи, о неизвестных пока силах, управляющих Вселенной, об абсолютном и относительном, о своем месте в этом странном мире.

Плывет вечером Большая Медведица как золотой ковчег по темно-синему морю, а перед рассветом смотришь, — стоит ковшик на ручке. А кто-то другой видит, что он висит. И снова думы о законах симметрии, о стране «Зазеркалье», о мирах и антимирах, о своем возможном «двойнике», а там и пушкинские «гроба тайны вековые»...

Земные и чаще всего горькие мысли посещают в последнее время, когда на твоих глазах происходят такие разительные и уже, увы, критические экологические изменения на ранее девственных просторах Обь-Иртышья. Вот карандашная запись 1965 года. Салехард, время великих газовых открытий. Пролетел на вер-



толете по угожьям своего бывшего совхоза в Пуровской тайге. И там, где лишь на одном песчаном берегу насчитал три года назад более 300 глухарей, вспугнули всего четыре птицы. Затем полет от Салехарда к Байдарацкой губе — заливу Карского моря — вся тундра перепахана десятилетиями незаживающимися вездеходными следами. Неожиданное сравнение. Осенью на Обском Севере преобладают красно-багряные краски. Ягоды брусники, клюквы, шиповника, толокнянки, красной смородины, рябины, мелкие листья-копеечки карликовой березки алеют как капельки крови. И вывод — а не кровь ли это будущего экологического кризиса?

И если в этом смысле говорить о современной охоте, то нынешнее состояние природы и общества (а законы его развития мне тоже довелось серьезно изучать теоретически и в многолетней исследовательской и общественной работе), на первый план выдвигает проблемы морально-этические, всемерное усвоение каждым охотником тех принципов, на которых должно строиться уважительное отношение к объектам охоты, местам их обитания, природе в целом и к другим охотникам. Необходимы такие качества охотника (рыбака, сборщика дикоросов), которые достигаются только воспитанием и самовоспитанием.

Разумеется, полноценное, на мой взгляд, восприятие охоты невозможно без соответствующего воспитания человека с малых лет, без знания истории русской охоты как части национальной культуры, без своевременного знакомства с книгами Аксакова, Сабанеева, Дриянского, Брэма, Сетона-Томпсона, Джека Лондона, Бутурлина, Пришвина, Бианки, Соколова-Микитова, Новикова-Прибоя, не говоря уже о классиках — Некрасове, Тургеневе, толстовских сценах охоты и так далее. Конечно, жизнь у людей складывается по-разному. Врожденный охотничий инстинкт заложен во многих, его не переборешь. Но научиться джентельменскому поведению на охоте должен всякий, кто берет в руки ружье.

Основные элементы заложены в правилах охоты и в нашем, хотя и до нельзя примитивном, «охотминимуме», многое можно почерпнуть в охотничьей периодике. Стоит вспомнить и полузабытые или сознательно игнорируемые охотничьи традиции.

Хотелось бы остановиться всего на трех моментах из того, что должен знать и соблюдать охотник:

1. Знать возможности своего ружья (и опасность тоже), правильно подбирать дробь, не увлекаясь крупной — чаще будешь мазать. Научиться определять расстояние до цели — по элементарным законам физики постоянный бой ординарных дробовиков рассчитан на 35 метров, дальше поражают только случайные дробинки, дробовая осыпь получается неровной, неизбежно появляются подранки.

2. В лицо знать объекты охоты (речь идет о водоплавающих), весеннюю и осеннюю окраску птиц, отличая самцов от самок, знать виды птиц, запрещенных к добыче, особенно занесенные в Красную книгу (в этом году о них можно узнать в «Экологическом вестнике» «Тюменских известий»). Не стрелять весной по утиным стаям, а осенью по утятам-хлопунцам, а тем более — пуховикам.

3. Не создавать зря фактор беспокойства на угожьях, особенно весной, когда все живое обзаводится потомством, не бродить, громко переключаясь, по пойме, стреляя направо и налево, не водить с собой собак. Не гонять днем со стрельбой на мотолодках по протокам, распугивая до зорьки скопившуюся у кустов дичь. В окружных правилах охоты, которые будут разрабатываться, необходимо предусмотреть разрешение весенней охоты только на уток и гусей и обязательно из укрытия.

Нельзя мешать другим охотникам, уже сидящим в скрадках — ходить и ездить мимо без дела, располагаться в опасной близости или, еще хуже, на линии полета уток, а тем более нагло захватывать чужие скрадки. Неэтично забирать чужих подранков, их нужно возвращать тому, кто подбил и получить взамен патрон.

И как пожелание — научитесь хорошо стрелять влет, только тогда вы получите настоящее удовольствие от стрельбы уток и гусей на перелетах, особенно на




осенних — в сумерках. Еще более спортивна охота на болотную дичь, не зря слово «снайпер» произошло от английского названия бекаса. Но тут уж не обойтись без лгавой или спаниеля, которые, впрочем, украсят и облегчат вашу утиную охоту — вынесут все трофеи и не оставят подранков.


Казалось бы, не так уж много и надо, но беда в том, что одних этому не научили, другие знают, но не выполняют. Воспитание культурных охотников — кровное дело охотничьих обществ. Нужно срочно пересмотреть содержание и порядок сдачи «охотминимума», организовать изучение правил охоты, создать, где можно кружки юных охотников, закупать для продажи в своих магазинах охотничью литературу, использовать для обучения будущих охотников отделы природы музеев, создавать свои коллекции чучел. Охотнадзор должен усилить контроль и строже наказывать всех, кто разбойничает на угодьях.

Только знание писанных и неписанных правил и чувство ответственности определяют правильное поведение человека, оказавшегося с ружьем в руках наедине с Природой.

**Новомир ПАТРИКЕЕВ,**  
почетный член общества охотников.



## Поздравление коллеге



В августе исполнилось 60 лет со дня рождения и 35 лет творческой деятельности известного журналиста и краеведа-историка Обского Севера, большого знатока природы и охоты, постоянного автора нашего журнала Новомира Борисовича Патрикеева.

Он родился в г. Салехарде в семье первого агронома Ямала и страстного охотника Б. В. Патрикеева, что определило раннюю любовь к природе и охоте. Биологическое образование получил в Московской сельхозакадемии имени Тимирязева, которую окончил с отличием в 1955 году, затем работал научным сотрудником сельхозопытной станции, директором совхоза. Победила тяга к перу журналиста и он прошел все ступеньки газетчика от корреспондента «Тюменского комсомольца» до главного редактора «Новостей Югры», где работает уже 22 года.

Получив высшее гуманитарно-политическое образование, сдав на отлично кандидатские экзамены, Н. Б. Патрикеев на базе 35-летних архивных исследований и изучения многочисленной специальной литературы подготовил в Омском пединституте диссертацию, написал несколько книг (в соавторстве) и брошюр, более двадцати статей в журналах и научных сборниках, свыше 200 газетных публикаций по истории Севера Западной Сибири.

Юбиляр уже полвека не расстается с охотничьим ружьем, с 1956 года публикует заметки фенолога и натуралиста, в 1958 году напечатал в коллективной книге первые охотничьи рассказы. Сейчас на его счету полторы сотни газетных выступлений о природе и охоте, в том числе цикл статей «Охота на болотную дичь», документальная повесть об охотничьей юности «Моя звезда», заметки спаниелиста. За работу по краеведению он избран действительным членом Российского Географического общества, за пропаганду культурной охоты — почетным членом охотничьего общества. Удостоен почетного звания заслуженного работника культуры Российской Федерации.



# СЕВЕРНЫЙ ПАРК

И. Кентин

**О**ДНАЖДЫ мне посчастливилось побывать в Софийском парке на Украине. Какое же чудо мне довелось увидеть! И вся эта красота была создана руками человека, всей душой любящего природу. Эти люди не только создавали, не имея современной техники, но и не раз после стихийных бедствий снова и снова воссоздавали парк. Такое же чудо было создано в подмосковном Кусково на месте бывшего болота, и современная усадьба Кусково также имеет в своем ансамбле отличные парки.

При виде красоты Софийского парка мне вспомнились годы детства и юности, прошедшие в небольшом северном городке, где мои земляки тоже начали тогда создавать свой парк. И снова захотелось побывать в этих местах.

И вот я опять в городе моего детства — городе, давшем начало освоению богатейших нефтяных месторождений Сибири. Мне нравился город, да и как он мог не нравиться? Ведь когда мне было всего десять лет, он и тогда уже был наполовину застроен современными зданиями. С самого начала не забывали строить и школы, детские сады, дома культуры и другие места отдыха, много внимания уделялось озеленению.

Еще в воздухе, когда самолёт перед посадкой делал круг над городом, я увидел то место, где когда-то обширное болото начали преобразовывать в парк. Как же здесь все переменялось! Подо мной зеленел большой лесопарк, сверху хорошо видна была его четкая планировка, аллеи просматривались строгими линиями, и все это зеленое царство состояло из кедров.

В центре рукотворной зеленой площади виднелись строения, утопающие в зелени. Даже с воздуха было видно, что при создании парка людьми было заложено не только умение, но и любовное отношение к своему делу, к природе. Да, это и есть теперь уже знаменитый на весь Тюменский север городской парк.

Как только я устроился в гостинице, сразу же пошел посмотреть, как мои земляки преобразовали, казалось бы, совсем непригодный и никому не нужный участок болота. По дороге зашел к другу детства, и он мне рассказал, как постепенно, но со страстью и любовью люди осваивали заболоченную землю. Правда, мой друг сначала повел меня осмотреть город, ему непременно хотелось показать, как он изменился и похорошел.

Да, перемены были очень заметными. В городе много зелени, повсюду чистота и порядок. Вспомнилось, как когда-то здесь был построен чудесный детский городок «Веселый замок», но почему-то долгое время его не могли озеленить и со стороны того же болота около городка было много мусора, но его руководители города не замечали. Во дворах домов были построены и озеленены площадки не только для детей, но и для людей старшего возраста, где они могли отдохнуть, побеседовать; тротуары и пешеходные дорожки были везде заасфальтированы и асфальт не мешал зелени.

Красоту домов оттеняли зеленые насаждения во внутренних двориках, которые были более обширными и деревья в них высаживались в строгом порядке и со вкусом: в качестве декоративных растений здесь преобладали рябина, калина, черемуха, акация, венгерская сирень и меньше было такого сорного и бесполезного дерева, как тополь.

И вот незаметно мы пришли на ул. Узбекистанскую. Болота, которое пересекала почти пустынная улица, уже не существовало: с одной стороны она была застроена красивыми домами, а по другую раскинулось настоящее царство зелени—



прекрасный кедросад. Деревья были рассажены в строгом порядке, на расстоянии трех-четырех метров друг от друга. Эта строгость линий и просторное размещение каждого дерева не только украшали сад, но и позволяли каждому дереву свободно расти и брать от солнца все для нормального развития не только в молодости. Даже и вполне взрослым деревьям здесь будет просторно, они не будут угнетать друг друга.

Хотя деревья этого сада были совсем еще юными, но они уже были довольно раскидистыми и густыми, чувствовалось, что для них это благодатное место. В диком лесу такого нигде не увидишь; есть, правда, и там отдельные мощные кедры, но они вырастают только там, где их не затеняют другие деревья, и их единицы, а здесь сотни. А то, что выращенные и ухоженные человеком кедры дают больший урожай шишек и периодичность урожая намного чаще, чем у кедров, выросших в тени других деревьев, — это давно знали сибиряки и потому в старину почти около каждой сибирской деревушки были свои кедровники.

Кто не знает, какую пользу дают кедровые орехи. Это кедровое масло, по качеству превосходящее даже оливковое. Калорийность ядрышка ореха превышает калорийность яиц, говядины и молочных сливок, и даже в обезжиренном жмыхе содержится белка в четыре раза больше, чем в пшенице. Учеными установлено, что в кедровом орехе содержатся вещества, лечащие почечные заболевания. Кедровая живица уже во время второй мировой войны широко применялась при лечении пулевых ранений. А как чист и полезен для здоровья людей воздух в кедровом лесу! Ленинградскими учеными установлено, что в кедровом лесу меньше микробов, чем допускается в операционных палатах.

Долго я любовался этой неопишуемой красотой, и вспомнил, как начал организовываться кедросад, а о продолжении этого дела рассказал мне мой товарищ.

Инициаторами были работники Урайского лесокомбината. Не знаю, кто именно внес это предложение, но здесь, наверное, сказались пример других областей. Уже к концу семидесятых годов варварская рубка кедровых лесов была прекращена во многих областях Сибири и начались интенсивные посадки. Кедры стали выращивать не только в Сибири, но и в европейской части страны. Например, только в окрестностях Ленинграда было высажено более 20 тысяч кедров, около миллиона их растет на территории национального парка «Русский лес» в Подмосковье.

При поддержке руководителей города (были выделены соответствующие фонды) зимой болото очистили от соснового мелколесья, по краям его прокопали небольшие осушительные каналы и площадь под посадку была готова. Всю дальнейшую осушительную работу кедры взяли на себя (кедр не хуже эвкалипта осушает сырые и заболоченные места).

В начале организации этого дела энтузиазм был невелик, но когда прошло года два и все увидели, что кедры начали хорошо приживаться, у людей проявился настоящий интерес к созданию кедросада. Посадкой стали заниматься не только школьники, но и все жители города.

А какой интерес к посадке появился у них, когда наши инженеры леса начали проводить прививки на высаженных кедрах! Первые прививки производились обычным способом, как и на фруктовых деревьях, но этот способ оказался не очень эффективным. К тому времени кедроведами был найден более надежный и простой способ. Прививку делают в июне, когда верхушечный ростовой побег одревенеет до половины или чуть выше. В это время верхняя, не отвердевшая часть побега клинообразно срезается и в прорезь вставляется почка привоя, тоже вырезанная клином. Это место обматывается хлопчатобумажными нитками (не очень туго), и обеспечена почти стопроцентная приживаемость. Привой — кедровые ветки с почками — берется от деревьев, уже дающих урожай, заготавливается в феврале и до июня хранится в холодильнике или в погребе.

Для посадки обычно выбирались молодые деревца, примерно десятилетнего возраста; после пересадки, года через два, когда эти кедры хорошо приживались, к ним делали прививки и уже через четыре-пять лет они начинали давать урожай.

Итак, кедры, выращенные и ухоженные человеком, начинали давать урожай на



шестнадцатом году жизни, а ведь в естественных условиях кедр начинает плодоносить только к тридцати годам, и то только тогда, когда попадает в благоприятные условия. И урожай культурных кедров несравненно выше и почти ежегодный.

В последнее время ветки для привоя стали завозить с Алтая, где, как известно, шишки и орехи крупнее, чем у нас, и урожайность выше. Это тоже благоприятно сказалось на урожайности наших кедров. В рукотворном кедросаде легче стало бороться и с шишковой огневкой, которая губит урожайность диких кедровников.

Узнав все эти подробности, можно было понять гордость моего друга. Частица и его труда заложена в создание этого чудесного кедросада. Осмотрев посадки и полюбовавшись на них, мы пошли туда, где была зона отдыха со спортивно-развлекательными и прочими парковыми строениями (собственно, парком уже был весь кедросад совместно с зоной отдыха, и здесь кедровые взяли на себя роль не только эстетическую, но и охранно-защитную). В зоне отдыха также все было сделано очень хорошо, со вкусом: концертная площадка, кафе, киоски для продажи прохладительных напитков, карусели и т. д. Заасфальтированы только центральные пешеходные дорожки и площадки около строений, а остальные дорожки хорошо присыпаны песком.

В качестве декоративных растений были высажены завезенные из других мест рябина, черемуха, калина, смородина. Сейчас они уже стали давать хорошие урожаи ягод, и школьники собирают их и сдают на завод прохладительных напитков, в столовые и кулинарные магазины. и во время цветения ветки с них уже никто не обламывает, так как школьники сами следят за порядком в парке.

А как прекрасно благоухает в весеннее время эта часть парка! Придя в эту пору сюда отдыхать, обратно не хочешь уходить. Даже в зимнюю пору здесь всегда тихо, благодаря продуманной планировке парка. Все это люди создали для себя, для своего духовного благополучия.

**От редакции.** Читателя, заинтересовавшегося статьей, мы должны разочаровать: речь в ней идет о парке воображаемом, в действительности его нет. Свою мечту Иван Венедиктович Кентин, коренной кондинский манси, преподнес, как нечто сбывшееся, чтобы показать ее заманчивость и осуществимость, хотя эта идея так и не получила поддержки со стороны урайского городского руководства.

Но разве не носятся подобные идеи в воздухе? Разве не актуален вопрос паркового строительства в наших северных городах и поселках, так мало озелененных? Ведь самое большее, чем могут гордиться даже наиболее крупные наши города Сургут и Нижневартовск — это сохранные от вырубки в городской черте островки естественного леса. Пора, наверное, и городским властям, и архитектурным службам перестать заботиться лишь о высокой плотности и дешевизне застройки и подумать о душе, об удовлетворении неискоренимой человеческой потребности каждый день соприкасаться с зеленым миром природы, чувствовать свое родство с ним.

И ведь не так много нужно для этого. Сделать удачный выбор и подготовку территории, составить грамотный и неравнодушный проект, заготовить и доставить саженцы — остальное сделают под руководством специалистов сами горожане. Спросите старожилы Ханты-Мансийска, много ли понадобилось средств, чтобы заложить и вырастить парки, которыми теперь вправе гордиться город! Они вам ответят, что главным из них было желание людей видеть город красивым, поддержанное организационными усилиями руководителей.

Кто-то, может быть, возразит: до парков ли в нынешнее-то время! А мы считаем, самое время сделать хоть какой-нибудь практический шаг, чтобы освободить вековую, но угнетенную ныне потребность людей в красоте, которая, смеем полагать, выше потребительской и накопительской потребности. Кто знает, может быть, это простое действие поможет человеку избавиться от столь распространенного теперь тягостного и малооправданного состояния уныния. Во всяком случае, письмо И. В. Кентина вселяет веру в возможность осуществления подобных замыслов.



# МЕСЯЦ ЛЕТНЕГО ЗАПОРА

...О, какой это долгожданный праздник, какое это священное великое время — время рождения летнего запора!..

...У поворота реки, под крутой стеной правого берега из века в век ставили летний запор, перегораживая и укрощая Евру...

...Из стволов мужчины вырубали гладкие прямые сваи в пять-шесть сажен длиной... Раздели мужчины сосновые стволы, ошкурили, заострили концы. А подростки... принялись выдирать корни из рыхлой, уже оттаявшей земли. Готовые сваи относили к месту запора, здесь уже полыхал костер под огромным котлом-колташихой. В кипящую воду мальчики бросали сосновые корни — их нужно размочить, выварить, расщепить надвое и хорошенько помять колотушками, — мягкие сосновые корни пойдут на вязку.

Несколько мужчин острыми, как бритвы, топорами из сухих лиственничных жердей кололи жалье — узкую длинную дранку... Пятисаженную дранку переплетали, туго стягивали мятыми упругими корнями в отдельные звенья. Переплетенные жалины, легкие, прочные и упругие, станут стеной летнего запора, но часть более узких звеньев пойдет на садки, куда будут отсаживать из морд-кямок живую рыбу, и будет она храниться там живьем до зимы...

...Все принялись вбивать пятисаженные сваи.

Две сваи на левом и одна на правом берегу так и вошли в супесь, как в масло. Оно и понятно — трое держат, трое бьют по комлевому концу деревянными молотами...

Три лодки покачиваются на стремнине, и мужчины, высоко поднимая гладкую остроносую сваю, с силой вгоняют ее в зыбкое галечное дно. На полсажени поднимается бревно над водой — бей. И

с двух лодок, что напротив, на сваю обрушились точные удары... На эти опорные столбы уже начинают укладывать отесанные бревна. С трудом выгребая против течения, мужчины выбирают место для следующей опоры...

...Положили лаву! Крепко лежит она — свежеструженные мостки на опорах, соединила лава берега, приподнялась на локоть над поверхностью воды...

...И женщин не осталось в Евре, они уже несколько дней в лесу. Очищают лес вокруг селения, собирают сушняк, опрокидывают навзничь сухостоины, подбирают сучья в березовой роще, ветки и лапник в сосняке, складывают валежины в кучи — много-много дней будет гореть огонь в шохрупе-копильне...

...Великий то грех — нельзя женщине приближаться к месту летнего запора. Нельзя даже глядеть на него, на священное это место, нельзя поганить его своим взглядом... А мужчины, перекинув лаву, не закрепили ее намертво, нет...

...Запор стал выгибаться, как туго натянутый лук... но нужно еще больше выгнуть его, и тогда перед ним, перед стенкой, просторно распахнется плесо — омут с гудящей, как тетива, быстринной. Прямой, как копье, стенке не выстоять, разобьет ее речка, потому и выгнулась лава по течению, забили мужчины могучие сваи. Звенья из гладких высушенных жалин — чтобы смоляной дух не пугал, не тревожил рыбу — уже готовые лежат на берегу, переплетенные гибкими сосновыми корнями, с готовыми узлами и петлями...

...Одни мужчины крепят верхнюю часть звена к сваям, другие, взобравшись на жалье, топят звенья, привязывают к сваям аршина на полтора в глубину...

...На пятисаженной глубине, в стремительной студености течения, открыв



# Век долуг, да час дорог.

глаза, нырлящики плотно подгоняют стенку, туго-натуго, как только можно, привязывают решетку звена к сваям, затягивают корнями так, чтобы ни одно звено не оторвалось в неожиданный летний паводок. Оторвись хоть одно звено, считай, вся работа пропала — ускользнет вся рыба в прореху, ускользнет, как молния, и эта щель станет бедой, голодом всей деревни. И нырлящики, сцепив зубы, затягивают намертво низы стенки, укрепляют их тяжелыми, длинными полосами дерновин, прижимая их валунами, что устилают дно реки... Поставили мужичины стену...

.. Нырлящики теперь на все лето будут привязаны к запору; все время, пока стоит запор, будут они рядом, будут проверять, следить, смотреть за каждой щелью и латать эту щель, чтобы в нее не проскользнула ни одна рыбешка...

...Теперь осталась самая малость, и это сделают завтра, послезавтра, не торопясь, основательно и надежно опытнившиеся рыбаки. В стене запора они поставят прочные, гибкие кямки-морды, на каж-

дый пай по морде. Но точно никогда нельзя рассчитать: в запоре всегда оставалось больше десятка лишних морд—отсюда рыба пойдет в общий селянский садок.

...Глубокой осенью, когда рыба уйдет в сон, раскупорят селянский садок и добычу разделят между пайщиками, посчитают, сколько рыбы потянет пай, и разделят. Поэтому, когда будут ставить морды, — кямки, из заготовленных листовичных жалин сплетут плавучие садки, каждому пайщику свой, фамильный, или родовой, садок, если люди жили вместе и не делились на отдельные семьи... Придет время, придет август — Кул Вытнэ Ёнкып, месяц посадки рыбы в садки.

А сейчас только начало июня, только начало Яйт Тустнэ Ёнкып, месяца летнего запора...

(Из романа Г. Сазонова и  
А. Коньковой  
«И лун медлительных поток...»).

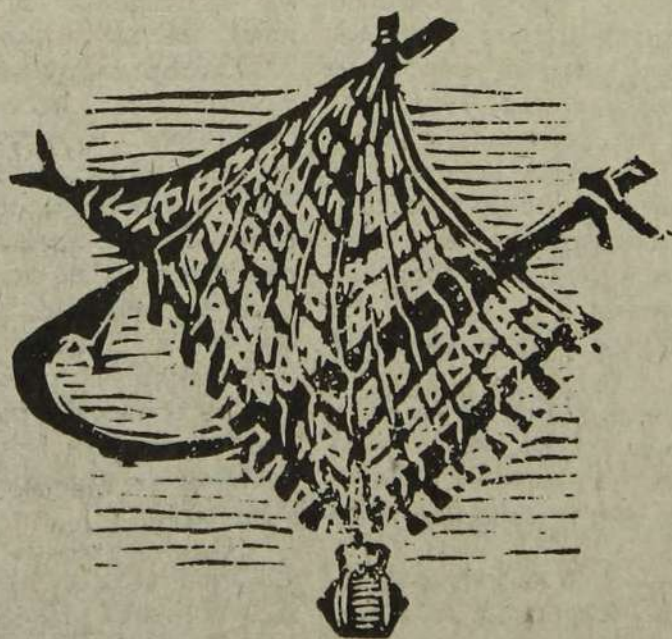


Рис. Г. Райшева





# СИСТЕМА РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ХАНТЫ И МАНСИ

**В. Плесовских**

...Кроме идолов богов, пользующихся всеобщим признанием, в пантеоне фетишизма было великое множество других постоянных или временных почитаемых вещей и объектов природы.

С. В. Бахрушин пишет: «У вогуличей... наблюдался культ фетишей — случайных предметов, которым приписывалась чудодейственная сила; таковыми были любые вещи, которые вогульский охотник брал с собою на промысел «для счастья»: «например, из чурки выделанную колодцу с пришибленным соболем или в капкане пойманного зверя или сему подобные другие». Характерно, что владелец фетиша почитал его, «пока есть удача», «в противном случае кидал его, как вместилище нечистого духа». (Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках, 1935 г., с. 25—26).

...Об этих же явлениях фетишизма пишет В. Ф. Зуев, исследовавший жизнь обских народностей в конце XVIII столетия:

«Часто такие вещи, которые оне у русских не дешевою ценою покупают, как коробки, ящики, ножи и прочие мелочи, имеют быть в числе богов ихних. Я сам знаю, что коробка, железом обложенная, которая несколько лет была в держке у хозяина, та ему крепостью своею полюбилась, и он ее обоготворил за то: обвесил ее разными лоскутками, перепоясал многими поясами, снабдил многими кольцами, перстнями и разными снарядами украсил, поставил в передний угол, содержит в божеском почтении».



(Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII века. АН СССР, 1947, с. 40).

Одно уточнение. Видимо, В. Ф. Зуеву не удалось заглянуть внутрь шкатулки. Он бы тогда увидел, что обожествляется не сама шкатулка, а те фетиши, которые в ней содержатся.

...Каждый хозяин делал себе из подручных материалов различных шайтанчиков, одевал их, щедро «награждал», «кормил», если дела шли хорошо. Это семейные покровители. Они располагались или перед жилищем или в переднем углу дома. Если же промысел или любое другое задуманное дело проходило неудачно, с фетишем семьи поступали так же, как с идолом «обского старика».

Тот же В. Ф. Зуев пишет: «В каждом чуме имеется рукотворенный бог в образе человека, инде палочка или дубинка, а инде и кляпышек или клин деревянный. Всех их богов описывать много да и притом же они имени не имеют... Домашний бог, или болван, имеет большую себе почесть, ибо стоит в переднем углу, пред собою имеет ящик, куда обещанные ему кладут подарки; каждый день от кушанья помазываются его губы, а между прочим имеет при себе большой рог с табаком, чтоб нюхал, и отлеп (таловые мягкие стружки), чтобы затыкал ноздри и утирался». (Там же, с. 41).

...В архиве первого председателя Кондинского РИКа Ивана Алексеевича Искры есть рукопись незавершенного очерка истории района, в которой он пишет: «К археологическим находкам принадлежит также часть шайтанов... известный шайтан, хранившийся в селе Нахрачинском (Вит-отыр—«старик в большой шапке»). Он состоит из белой бронзовой пластинки в виде полумесяца, на передней стороне которой изображена человеческая рожа. Другой нахрачинский шайтан, приобретенный в свое время Тобольским музеем, состоит из бесформенного слитка светло-желтой бронзы».

К фетишизму относится и повсеместно распространенный культ священных деревьев. У ханты такими деревьями чаще всего были кедры, у манси — лиственницы. У этих священных деревьев совершались религиозные обряды и приносились жертвы.

П. Буцинский в «Крещении остяков и вогулов...» пишет: «Так, в 1618 году сентября 26 дня верхокондинские вогулы... пришли в город Пелым и обратились к воеводам Ивану Вельяминову и Григорию Орлову с необычайной просьбой: они просили, чтобы православные воеводы разрешили им убить человека для моления по их басурманской вере у лиственницы». Воеводы, конечно, отказали. Но 2 октября того же года пришел в съезжую избу один стрелец и объявил, что те верхокондинские вогулы «малого убили у лиственницы, в юртах молили, отшед от города».

Но человеческие жертвоприношения это не норма, а скорее всего исключение, продиктованное единичными обстоятельствами. Обычно в жертву приносились лошади, олени и другие животные.

«...8 ноября 1898 года на Покуре остяки совершали жертвоприношение. Предназначенную для этой цели лошадь из пригона привели к юрте, около которой столпились остяки. Каждый из присутствующих подходил к лошади и гладил ее в знак прощания. Затем увели ее в лес и привязали к дереву, завязав ей глаза. Остяк Данило Бисеркин, нащупав у лошади сердце, заколол ее длинным копьем... После того все остяки что-то закричали. Под струившуюся кровь подставили куженьку, затем заткнули рану. С лошади сняли шкуру, которую пожертвовали в приклад, а мясо сварили в котле, у разведенного тут же костра, и съели». (Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. т. 1. Тобольск, 1904, с. 95).

Иногда обряды жертвоприношений носили и более массовый характер. Тот же Дунин-Горкавич описывает в этой книге такой случай:

«В 1896 году ваховская остячка видела сон, что будет на народ болезнь, для предотвращения которой, нужно бросить курить табак, сделать приклады (приношения) вещами и принести в жертву лошадей. С Ваха прибежал на



на Обь нарочный сообщить об этом. Было решено начиная с юрт Вартовских до Покурских (на протяжении около 100 верст) в разных пунктах принести в жертву семь лошадей; решение это было исполнено и, кроме того, были пожертвованы приклады. Так, в конце июня того же года положены были приклады близ юрт Нижне-Вартовских стоимостью около 70 рублей, и в Покурском-егане, стоимостью рублей на 40—50». (Там же, с. 95).

«По словам местного лесного объездчика, случайно нашедшего в первых числах июля 1896 г. место приклада близ юрт Нижне-Вартовских, оказалось, что на полуденной стороне от Вартовских юрт, т. е. на острове между протокой Чехломей и Обью, верстах 4-х от юрт на сору подле черемуховой гривы, на вершине березы установлен был череп оленя, а по сучьям березы развешен приклад, примерно рублей на 70. Тут были шелковые и простые шали, шерстяные материи, платки, ситцы и миткаль.

У Урьевских остяков имеется в лесу даже общественный лабаз для склада и хранения прикладов. Лабаз богатый, в нем, кроме урьевских, есть еще приклады агатских и тром-юганских остяков. (Там же, с. 94).

...За сорок пять лет жизни в различных районах округа мне также приходилось встречать такие жертвенные места. Правда, в силу того, что подавляющее большинство населения отошло от религии и не совершает культовых действий, многие из них сейчас заброшены, но кое-где свежие приклады нет-нет да и появятся. В наблюдаемых хранилищах можно было встретить полуистлевшие куски шелка очень высокого качества, сукно, шкурки пушных зверей, монеты разных периодов чеканки, металлические изделия, предметы домашнего обихода и даже иконы православного пантеона.

В начале шестидесятых годов мне довелось наблюдать священное дерево — жилище духов Щохринг-ойки недалеко от д. Вежакары Октябрьского района. Примечательно это дерево тем, что в него снизу и на высоту протянутой руки человека воткнуто большое количество ножей, на каждом из которых подвешен небольшой узелок с табаком. Мой информатор — ханты Т. Г. Костин объяснил, что Щохринг-ойка («старик с ножом») любит курить, поэтому в прикладах обязательно должен быть табак.

Рядом есть дерево, которое тоже было Щохринг-ойкой, но засохло и у него новое жилище.

...Анализ литературных источников, фольклора, легенд и преданий, а также археологические материалы дают основание считать, что у коренных народностей Обского Севера очень широко бытовали тотемические религиозные представления.

«Итоги многочисленных исследований показывают, что в тотемический комплекс включаются следующие элементы:

1. Вера в происхождение от тотема или от предков общих с тотемом.
2. Общее для группы название по тотему.
3. Осознание родства членов тотемистической группы и тотема и почитание последнего. Главным образом выражающееся в полном или частичном запрете наносить вред тотемному виду.
4. Вера в перевоплощение членов тотемистической группы в тотем и обратно.
5. Выполнение членами группы известных обрядов, связанных в той или иной степени с тотемом...» (Хайтун Д. Е. Тотемизм. Душанбе, 1958, с. 28).

Раскопки древних поселений, проведенные вначале на р. Оби, недалеко от Салехарда, были потом проведены в различных местах Приобья и показали общность черт культуры населения, получившей в литературе название Усть-Полуйской культуры (по месту первых раскопок).

Среди находок много бытовых вещей (гребни, ложки, крючья для подвешивания котлов над огнем), на которых сохранились узоры, оставленные рукой древнего резчика. Эти рисунки дают материал и об особенностях религиозных представлений коренного населения. Очень часто на рисунках повторяется голова лося, сочетание птицы и оленя, встречаются изображения родовых шаманов-воителей. Такие находки весьма часты в местах старых молюбищ. Здесь же попада-



ются изображения «обского старика», медного гуся и «Золотой бабы». Профессор В. Н. Чернецов пишет:

«Гравированные изображения дают богатый материал для суждения о религиозных представлениях людей Усть-Полуйского времени... Среди гравировок на бляхах и дисках находим фигуры, характеризующиеся своеобразными смешанными антропозооморфными чертами. Встречаются и антропоморфные фигуры с дополнительными звериными и птичьими головами и антропоморфизированные изображения птиц и зверей иногда с добавочными, помещенными на них человеческими личинами. Если сопоставить такие изображения с мифическими образами тотемных предков — полулюдей, полужверей встречающимися в угорском фольклоре, то мы получим достаточное основание видеть в этих изображениях попытку изобразить в графической форме сложные образы первобытных тотемических воззрений.

Фигуры, нацарапанные на металлических дисках, сгруппированы зачастую в определенных композициях, обусловленных, видимо, какими-то устойчивыми представлениями.

В верхней части дисков располагались фигуры, изображающие тотемных предков. В нижней части находим изображения рыб, змей и водяных животных — выдр и бобров, видимо, отображающих «нижний мир». «Верхний» небесный мир представлен в виде солнечной птицы Карса, вступающей в борьбу с существами нижнего мира. Таким образом, в этих композициях обнаруживается та многоплановость Вселенной, которая была характерна для космогонических представлений народов Сибири, в том числе и обских угров». (Чернецов В. Н. Древняя история нижнего Приобья. АН СССР, 1953, с. 235.)

...Известно, что у обских угров существовало две фратрии: Пор и Мось, а ханты и манси называли себя согласно принадлежности к той или другой фратрии Порхум или Мосьхум. («Хум» — народ. — В. П.)

А. М. Золотарев приводит легенду о том, откуда пошло это деление: поколение Мось пошло от людей, которые во время варки мяса были атакованы врагами, обратились в бегство, захватив и съев сырое мясо. А поколение Пор в подобной ситуации продолжало жарить мясо.

Отсюда и пошло будто бы деление на две фратрии. Позднее эта легенда была дополнена упоминанием о том, что поколение Мосьхум произошло от высшего духовного существа, а поколение Порхум — от сожительства мужчины с девой-духом, напоминающей русалку, женщиной Мось.

У разных этнографических групп ханты и манси бытовали различные варианты легенды о появлении дуальной организации. Ваховские ханты считали, что такое деление произошло потому, что существовало два брата-богатыря, которые поссорились между собой из-за золотого орлиного пера и разошлись в разные стороны. Часть племени пошла за одним братом — Сайгли («гоголь»), другая — за Кулькояк («чебак»).

...В последнее время большую работу по изучению дуальной организации обских угров провели В. Н. Чернецов и И. И. Авдеев, показавшие, что каждая фратрия имеет свой набор тотемов, как родовых, так и фратриальных, что манси распространяют фратриальное деление и на мир духов. Точного значения фратриальных названий установить не удалось, и поэтому разные авторы приводят различные трактовки этого вопроса, сходясь, однако, в том, что одна фратрия обозначает небесное происхождение, а вторая — земное.

Таким образом, тотемические верования, основанные на идее родства человека и животных, в системе религиозных представлений коренного населения Обского Севера занимают очень большое место. Поскольку основными занятиями этих народностей было рыболовство и охота, то и круг священных животных определялся известными в повседневном общении видами.

...Зарождение представлений о «святости» животных относится к ранней поре верхнего палеолита. Вера в «святость» животных является одной из ранних форм первобытного олицетворения природы. На стенах пещер, на оружии сохранились



многочисленные первобытные изображения животных. При раскопках древних поселений были найдены каменные и костяные фигурки, изображающие животных.

То, что у обских угров такое почитание зверей и птиц было тотемизмом, то есть религией, зародившейся еще в период ранней родовой общины, можно утверждать по тому, что многие из животных считались прародителями и священными покровителями рода.

Так, в Тегинских юртах (Березовский район) ханты считали основателем своего рода кукушку. Здесь существует легенда, что одна женщина имела двух сыновей. Однажды она заболела и сильно захотела пить. Попросила детей принести ей воды, но дети не выполнили просьбу матери. Тогда она сама пошла за водой и этим нарушила запрет. (Возможно, источник находился возле одного из «святых» мест, где женщинам запрещается появляться). После этого мать решила уйти из дому. Она прикрепила себе гусиные перья, сделала хвост из дощечки, на которой расправляют шкурки зверей и, превратившись в кукушку, улетела. Оставшиеся дети и стали основателями рода тегинских ханты. Кукушку здесь нельзя убивать, и даже детям запрещается ее передразнивать.

Обобщая обширный материал по этому вопросу, проф. В. Н. Чернецов в упомянутой уже работе пишет: «Знакомясь с картой расселения родов современных обских угров, легко заметить, что роды как бы группируются по фратриальной принадлежности, причем роды, относящиеся к одной фратрии, часто занимают обширную территорию. Так, бассейн верхнего течения р. Ляпин заселен родами фратрии «мось», по нижнему течению этой реки, начиная от села Хорынгауль («Хурумпауль» — третье село. — В. П.), расселены роды фратрии «пор». Территория рек Лозьвы и Сосьвы принадлежит родам фратрии «пор», ведущим свое происхождение от общего прапредка—Лося. Река Казым полностью заселена родами фратрии «мось», считающими своим прапредком Касум-най-эква—«Великую женщину р. Казыма»—тетерю.

В пережиточной форме часто сораняется даже представление, что предки родов, населявших такую территорию, являлись, с одной стороны, братьями и сестрами, а с другой — сыновьями и дочерьми прапредка. В свою очередь, последние в фольклоре рисуются как братья и сестры — дети фратриальных прародителей Нуми и Калтац и являются ни чем иным, как мифологическим отображением первичных родов.»

Во всех, в том числе и угорских, мифах и представлениях тотемической религии очень широко представлена вера в возможность превращения человека в тотемного зверя и наоборот.

Среди почитаемых зверей и птиц — тотемов были: «Тахыт-ойка»-старик-гагара, тотем Шоминских юрт на р. Сосьва. Жители этих юрт называли себя «щойнинг махум», т. е. народы гагары. Гагара была тотемом и соседних Кугинских юрт, где ей также поклонялись и запрещали убивать.

Чайка была тотемом юрт Оурьинских, ястреб-Хурумпаульских на р. Ляпин. У манси, проживающих в верховьях Северной Сосьвы, Конды и на водоразделе этих рек, почитались: «Пурипан Эква» — лягушка, Сардейские юрты, «Юсвой» — орел, Межинские юрты, «Нехыс» — соболь, Хангалские юрты, «Нялтуп» — утка-крахоль, Маньинские юрты. Этот список можно продолжать и дальше. Тотемов было множество, и только изредка родовые прапредки совпадали, что является чистой случайностью. А вот тотемы фратрий и некоторые племенные почитались уже целой группой родов, что и нашло свое отражение в прикладном искусстве.

«В каждой местности, наряду с прочими узорами, существует какой-либо один, наиболее характерный и часто встречающийся. В одежде и на посуде имеются определенные места именно для этого узора, и почти всегда можно узнать, откуда... происходит вещь. Так, например, на Большой Оби выше устья Казыма мы встречаем узор «крылья большой чайки», на Казыме — «тетеря», в верхнем течении р. Ляпин — «щучья челюсть», по среднему течению р. Сосьвы — «лягушка», по р. Тапсуй — «соболь» и т. п.



Если при этом учесть, что общим тотемом основных тапсуйских родов является соболь, а на средней Сосьве расселены роды — «народа лягушек», имеющие своим прапредком «великую женщину лягушку», а также, что основной верхнеляпинский род — Сойнах — считает своим предком щуку, а казымские ханты ведут происхождение от великой казымской женщины-тетери и т. д., то содержание орнамента, как изображение тотемного предка на одежде и посуде, выступит перед нами с полной очевидностью. Таким образом, орнаменты на берестяной и керамической посуде на протяжении эпох бронзы и раннего железа раскрываются перед нами в тотемно-апотропеическом значении. (Там же, с. 70).

Каждый из тотемов не только почитался, пребывал в ореоле легендарности, но и наделялся сверхъестественными свойствами, т. е. был своеобразным богом рода. К нему обращались за помощью в ратных, промысловых и бытовых делах.

В некоторых фольклорных источниках есть прямое указание, что перед началом охоты или столкновения с соседствующим родом старейшины обращались к своим тотемам, прося у них помощи и защиты. В этих обращениях к сверхъестественным силам уже можно усматривать и зачатки магии, хотя на первых порах она, возможно, и не была развита так широко, как позднее, в тейснейшем сочетании с анимизмом и фетишизмом.

Прослеживаются и другие признаки тотемизма. Два из них — наличие рода, носящего имя тотема и «опекаемого» им, и вера в превращение этого животного в человека и человека в тотем — нами уже названы. Кроме того, существовал запрет употреблять в пищу мясо священного животного. Правда, этот признак не был строго обязательным, и после совершения очистительного ритуала запрет снимался.

Интересно здесь то, что в тотемизме начинали возникать отдельные культовые элементы, вошедшие в более развитом и обобщенном виде в поздние, в том числе и мировые религии.

Одним из таких обрядов является таинство причащения в христианских религиях.

«Причащение тотемом является логическим следствием различных тотемических представлений: если тотемный вид не только имеет общего предка с родовой группой, но и по аналогии с этой группой является воплощением тотемного предка, то очевидно, что его вкушение может передать тотемной группе частицу сверхъестественных сил этого «предка».

Наиболее живучим признаком тотемизма, на который обратили внимание многие исследователи, является наличие экзогамных общественных групп, т. е. системы регулирования брачно-семейных отношений. Мужчинам запрещалось жениться на женщинах одной с ними фратрии. «Мось» на «мось» не женятся — так звучит эта формула отношений.

То, что хантыйские и мансийские роды были экзогамными, подтверждается наличием некоторых пережитков, сохранявшихся до последнего времени, особенно в отдаленных поселках и среди кочующей части населения. Здесь старые традиции в силу целого ряда причин, оказались наиболее устойчивыми.

Это проявлялось прежде всего в отношении к женщине. Поскольку, по правилам экзогамии, мужчинам было необходимо находить жен среди представительниц другой фратрии, то женщина на всю жизнь оставалась в кругу семьи чужеродкой, с чем была связана целая система запретов, регламентирующих ее поведение.

Вначале существовал простой и надежный способ умыкания невест из соседних родов. Позднее, очевидно, под влиянием татар, живущих по соседству, в обиход вошел калым — плата за невесту.

Ссылаясь на некоторые источники, проф. П. Буцинский по этому поводу пишет: «В каждой юрте жила одна семья. Отец пользовался неограниченной властью над своей семьей; жену и детей он имел право заложить, продать и даже убить; вся семья была его собственностью, как и всякое имущество... дочь у отца была таким товаром, который он хотел продать как можно дороже, и, конечно, выгоднее было продать богатому. Новицкий свидетельствует, что в начале XVIII в. обычный



калым состоял во сто рублей; эта сумма по тому времени довольно значительная, и уплатить ее не каждый мог».

Может возникнуть вопрос, в чем же особенность этого обычая у дореволюционных ханты и манси, ведь такие же обычаи существовали у других народов, откуда они и проникли на Югру. Эта особенность в экзогамных запретах, в том, что на представительнице своего рода и фратрии нельзя было жениться даже за самый высокий выкуп.

Именно поэтому глава семьи да и все взрослые мужчины не просто относились к женщине как к собственности, вещи, но прежде всего как к чужеродке, к неполноценному члену рода, поведение и положение в семье которой регулировалось целой системой запретов, нарушить которые женщина не имела права. Некоторые исследователи, правда, усматривали в этом причины не тотемного, а физиологического порядка. Возможно, такие явления тоже имели место, но они не все объясняют. С этих физиологических позиций, например, нельзя объяснить, почему наиболее строго придерживались этих запретов старухи.

Женщине запрещалось, например, проходить в передний угол избы, где хранились семейные фетиши, примерно так же, как нельзя женщине быть на алтаре православной церкви.

Даже сам акт деторождения омрачался этими обычаями. Для этой цели отводилась маленькая, самая грязная в юртах избушка, куда мужчинам нельзя было входить, если даже эта избушка пустовала. В течение примерно сорока дней после родов женщина могла спать только под порогом своей избушки, а затем «для очищения» она должна была трижды перепрыгнуть через горящий костер, и только после этого допускалась в семью для исполнения своих обязанностей.

...Для того, чтобы подчеркнуть в повседневной жизни чужеродство женщины, существовали и другие запреты. В присутствии мужчин женщины должны были закрывать свое лицо, и это делалось не только в присутствии чужих, но и определенной части мужчин своей семьи.

...В суевериях других народов также существует вера в «дурной глаз», в способность некоторых людей «сглазить». Все эти представления уходят в седую глущину веков, но по традиции сохраняются и по сей день.

О том, что в этих обычаях присутствует элемент религиозной веры, можно судить по таким ситуациям: если, например, женщине приходилось проезжать мимо «святого» места, то она, чтобы «неосквернить» его, также закрывала лицо, отворачивалась или даже ложилась на дно лодки.

Не имела права женщина подняться на чердак своего дома, переступить через одежду мужчины, хорей, рыболовную или охотничью снасть, сесть верхом на лошадь, оленя, потому что женщина не должна подниматься выше мужчины.

Если же все-таки это случалось — все, вплоть до дома, объявлялось оскверненным, и мужчинам до совершения шаманского обряда очищения входить в дом и пользоваться ловушками запрещалось. Даже одежда женщин в избе могла быть повешена на просушку не рядом с одеждой мужчин, а ниже.

«Из всех прав за женщиной оставалось одно — работать не покладая рук. Она была занята не только домашним хозяйством, но и исполняла большую половину работы в производстве. Среди оседлых ханты и манси доля женского труда в основных видах производства составляла 58 проц., у кочевых — 50,6 и манси — 54,3 процента». (Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М., 1955, с. 29).

Об этом же в цитированной выше работе пишет В. Ф. Зуев: «Женщины же я не знаю, когда б они хотя час праздно сидели. Верно одеревенелые руки труды их докажут, во всем дому живет не как жена, но как служанка, да так между ними и почитаются. На месте или в дороге, не включая того, что мужу во всем помогает, расстанавливает она чум, колет дрова, раскладывает огонь, варит есть, и муж до тех пор с санков не слезет, покудова все в чуму не будет управлено; тут его обсушивает, там обшивает, а он, переодевшись, пойдет опять за промыслом, куда надобно.

Варварские их с женами поступки еще более грубое состояние увеличи-



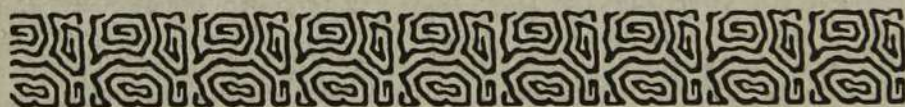
вают, ибо где б то ни было, не говорит он с нею никогда ни слова, а хотя что и понадобится, то жена должна из одного только слова понимать его надобность. С промыслов, что привезет, жена все убирает, и он ни во что не вступается, так что сколько б он ни привез битых оленей или чего другого, ободравши кожи, дает сам жене выделывать, хотя б уже и без того на такую работу ей времени недоставало, но к таковой суровости еще прибавляет: «скорее». И так во всем у них женский пол раболепствует и более, нежели у старого господина рабу надлежало».

...В сохранившемся до пятидесятих годов «святом месте» около юрт Кому-дваны (Октябрьский район) существуют отдельные площадки для костров — мужского и женского. Женщинам запрещалось приближаться к мужскому костру (месту жертвоприношений), а мужчины считают оскорбительным для своего «достоинства» оказаться на женской половине священной роши.

Такие же сведения приводит З. П. Соколова, рассказывая о священном месте духа Ялпус-ойки около Вежакар: «Жертву убивают около жертвенного стола; на стол ставят мясо, вино; пьют и едят во время обряда. Доступ на святое место имели только мужчины, женщины собирались на берегу Усыньи и там же жгли костер и ели».

Таковы признаки тотемизма, которые можно наблюдать, исследуя фольклорные, литературные и некоторые сохранившиеся особенности жизни и быта особенно старших поколений ханты и манси, проживающих в отдаленных от культурных центров населенных пунктах. Здесь и проявляется сила традиций.

...Тотемизм не исчез бесследно. Все самое живучее из него было синкретизировано в другие формы религиозных представлений, в частности, в магические обряды и действия.





# АРХЕОЛОГИ ВЕДУТ ПОИСК: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА.

Л. Косинская,  
кандидат исторических наук.

**Л**юбой из ныне живущих народов прошел долгий путь исторического развития. Не являются исключением и коренные народы Тюменского Севера — ханты, манси, ненцы, татары и др. Их предки обживали эту суровую землю на протяжении столетий. Сложность изучения их истории заключается в том, что собственную письменность эти народы обрели только в советское время. Русские же письменные источники освещают события преимущественно последних 200—300 лет. Это, в основном, описания края учеными и путешественниками, материалы переписей населения и другие документы; наиболее ранние источники — летописи. Чем дальше в глубь времен, тем более неполны и отрывочны сведения письменных источников. Пожалуй, самые ранние сообщения содержит Повесть временных лет. Во вводной части в числе других северных народов упоминается «югра», а под 1096 г. сообщается о походе посланца новгородского боярина Гюряты Роговича в «югру», в «страны полунощные», т. е. куда-то в Северное Зауралье.

О более древних периодах можно судить только по «летописи», хранимой в земле, изучая археологические памятники — остатки поселений и городищ, могильников и святилищ, производственных мастерских и кладов. Памятники археологии — значительная часть нашего исторического наследия, и утрата каждого из них не



восполнима. Как памятники истории и культуры археологические объекты подлежат охране государством.

Исследования археологических памятников региона развернулись в послевоенное время. Ежегодно в тайгу отправляется несколько экспедиций, возглавляемых учеными-археологами Екатеринбург и Тюмени, Тобольска и Новосибирска. В связи с широким промышленным освоением региона археологи выполняют важную и неотложную работу по разведке и учету памятников археологии. Те из них, которые обречены на уничтожение в процессе строительства различных народнохозяйственных объектов, исследуются раскопками. Постепенно заполняется археологическая карта Севера Западной Сибири, все меньше остается на ней «белых пятен». Все более отчетливо проступает канва важнейших хозяйственных, этнических и культурных процессов, развивавшихся здесь на протяжении тысячелетий. Но огромная территория Тюменского Севера исследована пока крайне неравномерно, археологи не успевают сразу повсюду. А памятники, несмотря на героические усилия ученых и органов охраны, продолжают тихо и безвестно погибать под ножами бульдозеров, под ковшами экскаваторов, под гусеницами вездеходов, не успев поведать о людях, населявших некогда эти места. И мало кто из работающих на стройках и промыслах, живущих в городах и поселках знает о том уроне, который они наносят историческому наследию края. Так о чем же может поведать земля, какие тайны давно прошедших эпох хранит она?

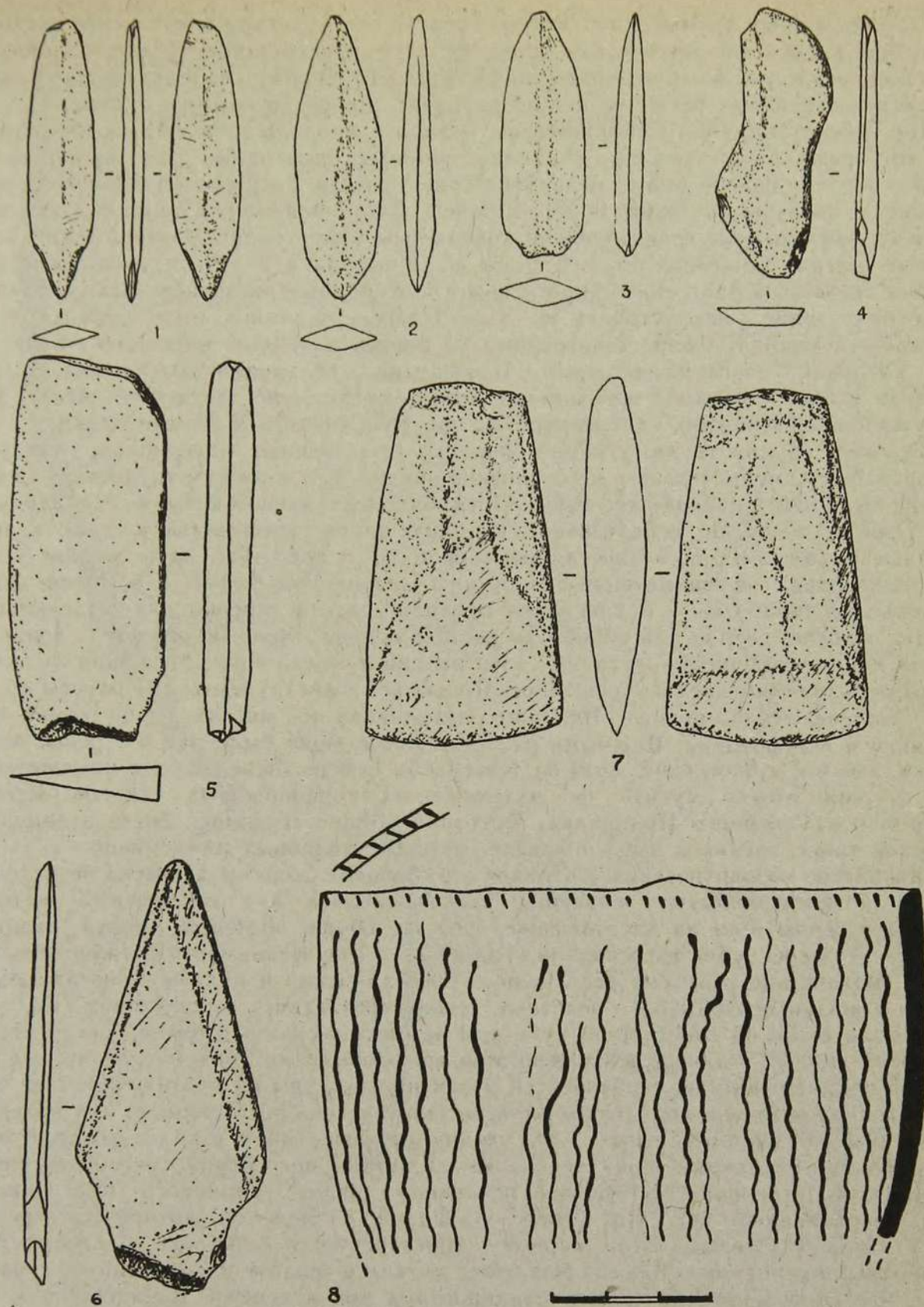
Круг проблем, решаемых археологами в содружестве с представителями других наук, очень широк. Каков возраст современных народов; кто были их предки и когда они появились на этой территории; кто жил здесь раньше? Какие формы хозяйства выработало древнее население, удавалось ли ему сохранять гармонию с природой или, как сейчас, наступали периоды экологических кризисов? Каковы были образ жизни и формы общественной организации на разных этапах древней истории? Каким видели мир и себя в этом мире люди далекого прошлого, каковы были их религия и искусство? Наконец, какой характер носили взаимоотношения отдельных племен и родов — жили ли они мирно, обмениваясь своими достижениями, или воевали?

Далеко не на все вопросы получены исчерпывающие ответы. В частности, одной из нерешенных проблем остается проблема первоначального появления человека на Севере Западной Сибири. В ледниковый период, 100—18 тысяч лет назад, первобытные охотники на мамонтов обитали в Среднем и Северном Приуралье, в Среднем Зауралье, на юге Западно-Сибирской равнины. Но в северной ее части стоянок этой эпохи — палеолита, или древнекаменного века, — не обнаружено. Возможно, они еще ждут своего первооткрывателя.

Попробуем перенестись на несколько тысячелетий в прошлое и заглянуть в более молодую эпоху каменного века — мезолит (среднекаменный век). Заканчивался последний ледниковый период. Западно-Сибирская равнина освобождалась от остатков ледникового покрова, но была, видимо, мало пригодна для обитания, поскольку стоку талых вод на север препятствовал сохранявшийся там ледниковый барьер. Учеными выдвинута гипотеза о длительном существовании на значительной части равнины обширного подпрудного озера. Лишь около 10 тыс. лет назад оно исчезло и сформировалась в основных чертах современная речная сеть. Изменился характер растительности: на месте холодных степей ледниковой эпохи возникли ландшафтные зоны тундры, лесотундры и тайги. Обрел свой современный облик и животный мир, вымерли мамонт, шерстистый носорог и некоторые другие виды. Именно к этому времени, около 8—9 тыс. лет назад, относятся древнейшие из открытых на Севере Западной Сибири стоянок первобытного человека, пришедшего, вероятно, из более южных районов.

Мезолит — это период приспособления человека к новым природным условиям, время выработки оптимальных способов ведения хозяйства и образа жизни. Дело в том, что предшествующая культура палеолитических охотников базировалась на коллективных способах добычи крупных стадных животных в условиях открытых ландшафтов. Разрушение всего комплекса природных условий, включая и исчезнове-





Шлифованные орудия из камня: 1—3 — наконечники стрел; 4—6 — ножи; 7 — тесло. Поселение Геологическое VII, неолит, V тысячелетие до н. э. Советский район, г. Югорск. 8. — глиняный сосуд. Поселение Барсова Гора П/8. Сургутский район, пос. Барсово.



ние традиционных промысловых видов, ввергло эту культуру в кризисное состояние. Практически вся мезолитическая эпоха на всем пространстве тогдашней ойкумены (населенного мира) была периодом поисков выхода из кризиса. В результате развитие хозяйства отдельных регионов пошло разными, порою несхожими путями.

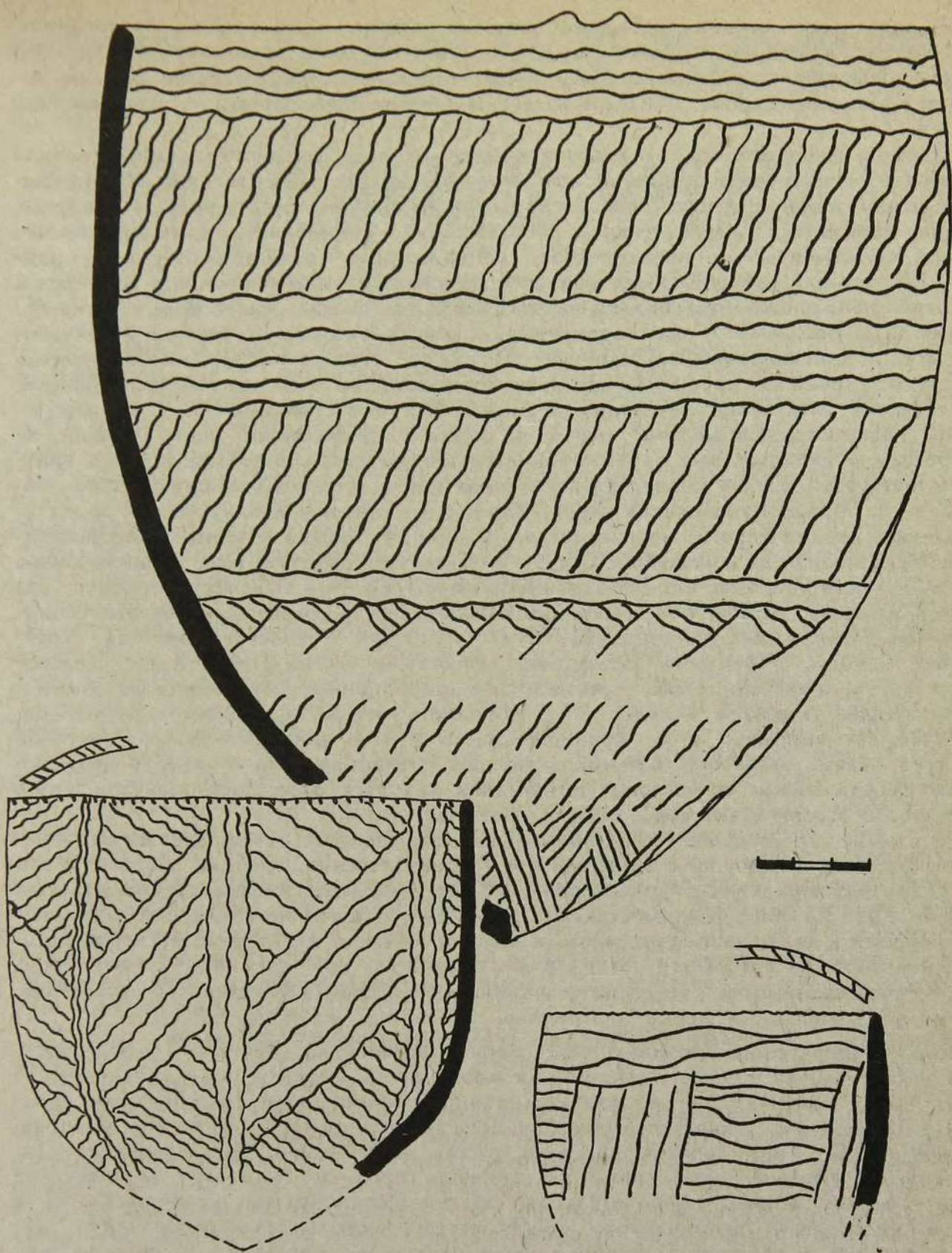
На Севере Западной Сибири период мезолита продолжался несколько тысяч лет. За это время были освоены, очевидно, наиболее пригодные для жизни районы, включая и тундровую зону. Мезолитические стоянки открыты на Конде, Северной Сосьве, в верховьях Пура и на Нижней Оби. Они принадлежали небольшим коллективам, которые вели довольно подвижный образ жизни, охотясь на лося и северного оленя, занимаясь ловлей рыбы на протоках и в устьях небольших рек и сбором съедобных растений. Единственным прирученным животным была собака. Таежное население умело строить не только легкие шалаши, но и прочные теплые дома-полуземлянки. Стены такого дома из бревен и жердей опускались в неглубокий котлован, вырытый в земле. Помещение отапливали открытыми очагами, разводя огонь в очажной яме или на полу в специально отведенном месте. Такие полуземлянки, вероятно, использовались преимущественно в зимнее время.

Оружие, орудия труда, утварь делали из естественных материалов, главным из которых был камень. Процесс изготовления орудий был сложен и трудоемок. Сначала нужно было найти подходящее сырье. Предпочтение отдавали кремню, халцедону, яшме; если их не было, использовали кварцит, кварц, кремнистый сланец и другие твердые породы. Из-за бедности сырьевой базы в дело шли даже мелкие гальки. Их расщепляли на миниатюрные пластины правильной формы с острыми краями. Небольшая доработка — и пластинки превращались в скребки для выделки шкур, резцы, скобели, сверла для обработки кости и дерева. Крупные орудия — ножи, кинжалы, наконечники копий и стрел — изготавливали из кости и рога, оснащая их вкладышевыми лезвиями из тех же пластинок. Появились и инструменты для работы по дереву — топоры, тесла, долота. Их чаще выделывали из мягких пород камня путем оббивки и шлифований. Важными изобретениями эпохи были лук и стрелы, весла и лодки, лыжи и ручные сани. Хотя на Тюменском Севере такие находки пока не известны, о них можно судить по изделиям из торфяниковых стоянок Среднего Зауралья и Северного Приуралья. Учитывая обилие торфяных болот в западносибирской тайге, можно и здесь ожидать открытия подобных памятников.

Хозяйство мезолитических охотников и рыболовов было практически безотходным. Кости и рога добытых животных использовались как поделочный материал, шкуры и жилы шли на изготовление одежды, обуви, постелей, ремней, различной утвари. Даже из зубов изготавливали украшения — подвески, часто служившие амулетами. Магические и другие религиозные представления и культы занимали важное место в жизни первобытного человека, тесно переплетаясь с искусством. Но ученые пока мало знают об этой стороне культуры мезолитических охотников Севера. Недостаточно данных и для решения вопросов происхождения этого населения, его этнической принадлежности, особенностей развития культуры на протяжении всей эпохи. На сегодняшний день открыто около 30 мезолитических поселений, из них более 20 — в бассейне Конды, а остальные — это единичные памятники в отдаленных друг от друга районах. Раскопано лишь несколько из них, а погребения совсем неизвестны.

Несколько лучше исследован последний период каменного века — неолит, или новокаменный век. На Севере Западной Сибири он датируется временем 7—5 тыс. лет назад. Этот период характеризуется наиболее благоприятными природными условиями. Климат был более мягким и теплым по сравнению с современным, что способствовало сдвигу ландшафтных зон к северу. Начавшийся в мезолите процесс заболачивания тайги и тундры не достиг еще тех масштабов, которые мы наблюдаем сегодня. К этому времени, очевидно, в основном сложилось своеобразное комплексное присваивающее хозяйство, использовавшее различные виды природных ресурсов. Основу его составляли разнообразные способы охоты и рыбной ловли. Есть основания предполагать, что лося и оленя добывали скрадыванием, гоним по насту, возможно, и стационарными ловушками. Охотились и на боровую и на водоплавающую птицу, бобра, пушных животных; весной и в начале лета боль-





Глиняные сосуды эпохи неолита (реконструкция). Поселение Барсова Гора П/8, V тысячелетие до н. э. Сургутский район, пос. Барсово.



шую роль мог играть промысел линной птицы. Лов рыбы по-прежнему производился на небольших речках, протоках, в заливах озер. Использовались не только крючковые снасти и остроги; рыбу лучили стрелами, ловили сетями; судя по находкам в Северной Европе, уже были известны и рыболовные запоры со снастями типа вершей.

Развитие рыболовства в самостоятельную отрасль хозяйства способствовало выработке более прочной оседлости, хотя она и оставалась относительной. По-видимому, каждая община имела определенную промысловую территорию, в пределах которой производила перекочевки в соответствии с сезонными видами промыслов. Начала складываться и определенная специализация хозяйства отдельных районов. Так, жители низовий Оби отдавали предпочтение рыболовству, а у обитателей верховий небольших рек большую роль играла охота. Археологами открыты разные типы поселений — долговременные, с капитальными землянками и полуземлянками, и кратковременные сезонные стоянки с легкими наземными жилищами.

Орудия труда и оружие в неолите производились из тех же материалов, что и раньше, но облик инвентаря меняется. Широко стал применяться кварц — самый распространенный вид сырья на данной территории; почти вышли из употребления вкладышевые орудия; значительное развитие получила техника пиления и шлифовки мягких пород. На поселениях часто встречаются шлифованные топоры, тесла, ножи, наконечники стрел. Важное достижение неолитической эпохи — появление керамического производства. Глиняная посуда — самый распространенный вид находок на поселениях. Сосуды имеют слегка раздутые бока и приостренное дно, напоминая по форме яйцо со срезанной макушкой. Они вылеплены вручную, без гончарного круга, и обожжены на костре. Их поверхность покрывают тисненые узоры, нанесенные специальными инструментами — палочкой с заостренным или скругленным концом, зубчатыми штампами, челюстями мелких животных. Каждой группе древнего населения были присущи свои традиционные особенности формовки и орнаментации глиняной посуды. Это позволяет ученым приблизительно определять возраст керамики и ее принадлежность к той или иной археологической культуре. Таким образом, керамика, хорошо сохраняющаяся в земле, является одним из важнейших и массовых источников для восстановления происхождения, контактов и исторических судеб древних племен.

В настоящее время выявлено несколько районов, довольно плотно заселенных в неолите. Это бассейн Конды в ее верхнем и среднем течении, урочище Барсова Гора под Сургутом, верхнее течение Северной Сосьвы. Отдельные поселения выявлены на Казыме, Вахе, на Оби в окрестностях пос. Шеркалы и в других местах. Все эти памятники относятся к нескольким родственным археологическим культурам, носители которых, как полагают, говорили на различных диалектах праугро-самодийского языка. Родственные связи этого населения устанавливаются вплоть до Среднего Урала, Тюменского Притоболья и Верхнего Приобья.

Кроме аборигенов, ведущих свое происхождение от местного мезолитического населения, на Севере Западной Сибири в конце неолита появляются группы пришельцев с юга. Их посуда отличается плоскодонностью и своеобразным орнаментом. Поселений с такой керамикой найдено пока немного. Одно из них, расположенное на р. Амня, притоке Казыма, очень своеобразно: это древнейшее из открытых в регионе укрепленных поселений — городищ. Поселок был огорожен рвом и валом, причем оборонительная система неоднократно перестраивалась с целью расширения защищенного пространства. Видимо, взаимоотношения жителей поселка с местным населением были отнюдь не мирными. Археологам еще предстоит выяснить, откуда пришли эти люди, к какой группе населения более южных районов они принадлежали, что за причины толкнули их в далекий путь по просторам сибирской тайги, какова их дальнейшая судьба. Но для того, чтобы ответить на эти вопросы, потребуются не один год напряженных полевых и камеральных исследований.





# У РОДНОГО ЧУГАСА

## МАРТЫНОВСКИЕ СОРА

Незаметно подошли ноябрьские холода. Стала подстывать земля. Лужи покрылись темным зеркальным льдом. Пролетели последние стаи птиц, косяки и вереницы гусей, журавлей, лебедей. Река то почернеет, то посветлеет от водяного сала, несет на себе белые пластины. А мороз жмет и жмет! А реке не хочется застывать! Она и бьет льдину о льдину, и крушит их. Но куда там? Мороз берет свое, стягивает белой пеленой берега, да так крепко, что река уже не в силах справиться. Выпал обильный снег. Настал санный путь.

Раньше была наезженная дорога из Цингалов на реку Конду в д. Чилимку, или Красный Яр. Часто по ней ездили в гости или по делам. Жили в Чилимке и мамыны родители. Приехали они сюда примерно в 1910 году из Уватского района, деревни Горнослинкино. Поэтому и фамилию носили Слинкины. Семья была большая: отец Кондратий, мать (горбунья), сыновья — Григорий, Александр, Илья, дочери — Марья, моя мать Парасковья, Настасья.

Дорога проходила через речку Вареньяга мимо Шинактора, Кондинских озер, по Летней курье, по Второй речке на группу соров, на которых рыбачил мой дед, на Калмадайский сор, по речке Калмадайка на Конду. Вот по этой дороге и поехали смотреть ловушки мой дед и отец на дальние угодья, к сорам. Поехали на двух лошадях, взяли с собой четыре морды. Морды очень громоздки, в сани войдет только одна. Как быть с четырьмя? Для этого к розвальням сзади и делали люльку. Один шест через заднюю поперечину саней привязывали к копылу, с другой стороны так же — другой. Получался небольшой наклон. Верхние концы шестов связывали веревками.

Вот и люлька готова. На люльку кладут друг на дружку две морды. Связывают их с люлькой, чтоб во время езды не свалились. Таким образом, сани остаются свободными.

Кони, учуяв жилье, ускорили шаг. Вот избушка на перешейке между двумя сорами.

— Кони что-то упарились, потные!

— Дорога-то неблизкая, да и убродная, все ведь в целик.

— Я коней распрягу, пусть отдохнут, выстоятся. Чувал еще надо подтопить, избушку нагреть. А ты сходи на сор, проверь ближние котцы — не задохнулась ли рыба, — сказал дед.

Отец надел лыжи, взял пешню и сак, пошел на сор. Одолбил первый котец, лед вычерпал: ну, слава богу, рыба жива. Окунь плещутся. До сумерек еще один котец проверил — все нормально.

Дед коней поставил в крытый загон. Зашел в избушку, огляделся. Все на месте лежит, как оставил. Дрова готовы, лежат в чувале. Кресалом выбил искру на огниве — трут зашаял. Вложил его в сухой мох и стал раздувать. Появился огонек, мох загорелся. Горящий мох подложил под дрова. Сухие





дрова быстро охватило пламя. Стены осветились красноватым светом. Дед повесил на таганчик большой медный чайник с водой, набил трубку табаком, закурил. Посидел. Лег на нары отдохнуть.

Уже стемнело. Пришел Николай.

— Я тебя жду. Чай готовый, надо поесть.

— Два котца проверил — рыба живая. Около котцов много лисьих следов. Надо капканы расставить.

— А дорогой ехали — видел ты лису? Посмотрела на нас и в лес убежала. Как это Белко с Венеркой ее не учуяли? Удивляюсь!

— Нет, не видел! Я лежал в снях. Я ведь хотел ружье взять и забыл.

Дед вытащил из кузова еду, разложил на стол. Поставил бутылочку самогона.

— Это я взял для вотчинника. Его надо угостить. Давай выпьем за его здоровье, чтоб он помогал нам. А потом я тебе расскажу одну свою историю.

Выпили, поели, закурили.

## ВОТЧИННИК

— Расскажу я тебе одну историю, случившуюся этим летом. Я ее никому не рассказывал. Этим летом я ведь вотчинника встретил! Не веришь? Вот те крест! Я так думал: где я рыбачу и охочусь — это мои угодья, моя вотчина — значит, я здесь вотчинник, хозяин! Но, оказывается, есть еще другой, настоящий вотчинник.

Помнишь, я ездил утятничать сюда же? Сети высмотрел, снял их сушить, развешиваю на вешала у речки. Около лодки вожусь. Потом какое-то чувство на меня нашло — как будто кто-то на меня смотрит и смотрит. Оглянусь — никого нет! Опять чувствую: кто-то на меня смотрит! Оглянусь — кругом пусто, тишина. Так несколько раз. На душе неловко стало. Вечер подошел. Развел костер, чаю напился. Сон на ум не идет. Сиж у костра. А комаров! Не вздохнешь! Гудят — звон звоном стоит. Сиж, коротаю ночь. Слышу — легкое потрескиванье сучьев. Кусты зашевелились. Из кустов морда высунулась. Человек — не человек, медведь — не медведь! Чудовище на показ вышло. Мать моя! Тут я крепко трухнул, поджилки затряслись. Сиж ни живой, ни мертвый. Первый раз такое чудо вижу. Ружье боюсь взять, как будто руки онемели, сиж, не шевелюсь. Чудовище смотрит на меня, а глаза, как угольки, сверкают. Ростом выше человека. Весь в шерсти. Руки длинные. Брюшина обвисла. Что мне осталось делать? Смотрю на него и говорю:

— Это ты и есть настоящий вотчинник? Ты меня не трожь, я тебя тоже не трону. Будем друзьями. Даром я твои дары не беру. Всегда оставляю тебе бутылочку, выпиваю за твое здоровье. Ты хочешь жить, я тоже хочу! Ты есть хочешь, я тоже хочу. Так что делить не будем. Тебе и мне хватит. Давай разойдемся мирно.

Еще что-то говорил, не помню уже. Откуда у меня столько слов взялось? Взял уголек из потухшего костра, хотел прикурить трубку. Вотчинник как закричит, засвистит! Повернулся и убежал. Видимо, уголька испугался. Я только и видел его. С меня как гора свалилась. Все обошлось мирно. С этого времени беру вотчиннику бутылочку. Ты только никому чужим не говори, а то нам счастья и удачи в охоте и рыбалке не будет. Дай ему бог здоровья! А он нас не забудет. Всегда поможет. Мы к нему должны относиться с уважением.





## ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ДЕДА МАРТЫНА

Утром встали рано, попили чаю. Запрягли лошадей, поехали по ловушкам. Объехали все котцы, вычерпали саками рыбу, разложили на снегу, чтоб замерзла. Притрусилы сверху снегом от птиц. Закончив работу у котцов, поехали на речку к запорам. Одну за одной одолбили морды, вычерпали лед из маин, вытащили из речки морды с рыбой, рыбу вывалили на лед. Старые морды поставили для просушки, свежие опустили в запор. Сгущались сумерки.

—Эту рыбу надо пока оставить здесь. Она еще талая, да и в сани вся не войдет. Я за ней следить буду, — сказал дед.

Так и сделал. Котцовую рыбу загрузили в сани, закрыли ее рогожками и перевязали веревками. К избушке подъехали уже затемно.

Переночевали. Утром Николай с рыбой на обеих лошадях уехал домой. С ним убежала Венерка. Дед с Белком остался в избушке. Это были последние дни деда в жизни. Что случилось с дедом?

Рассказал об этом отец:

На второй день я поехал обратно, чтоб забрать оставшуюся рыбу. Подъехал к избушке. Что за черт? Избушка закрыта, следов отцовских около нее нет, только одни собачьи. Зашел в избушку. Она пуста. Чувал холодный. Вышел. Увидел собачью тропу от избушки по старой дороге к ловушкам, поехал по ней. Почти на половине дороги от речки сидит Белко. Почувяв знакомых лошадей, он бросился навстречу: визжит, ластится, руки лижет. Я спросил: «Белко, ты почему один? Где дед? Белко посмотрел на меня виноватым, невеселым взглядом и бросился обратно по своей тропе. Я поехал следом. На спуске к речке пес остановился не то у карчи, засыпанной снегом, не то у холмика. Подъехал, разрыл — оказался отец обледеневший. Меня как кто оглушил. Ноги подкосились, сел на снег. Сердце затрепыхалось, закололо. Плакал, плакал — кое-как успокоился. Надо было узнать, что случилось? Спустился на речку к запору. Маина уже замерзла, пешня и сак валяются на льду, рукавицы-шубенки вмерзли в лед. Тут я понял: отец, видимо, хотел проверить морду и случайно свалился в маину. Каким-то образом вылез и направился к избушке, но мороз сделал свое дело. Что мне оставалось? Завалил отца в сани, закрыл рогожками и махом домой.

Мужики из кедровой колоды выдолбили гроб. В землю деда не закапывали. На кладбище срубили сруб в три бревна, в него положили гроб, закрыли крышей. В ногах около сруба поставили крест. После смерти деда сора, на которых он рыбачил, стали называть Мартыновскими.

Баба Таня после смерти деда сразу сдала здоровьем. Стала маленькой, сухонькой, молчаливой. Прямо на глазах таяла и таяла. Через год после смерти деда, летом 1921 года баба как-то незаметно ушла из жизни.

## ТРЕВОЖНЫЕ ВРЕМЕНА

В России давно бушует война. Волны ее докатились и до нашего Севера. Настали тяжелые, тревожные времена. Еще весной 1918 года разгромленные колчаковские части рассосались по всему Иртышско-Обскому краю.

Наш дом находился в самом центре деревни у часовни (сейчас на месте часовни — сельский Совет). Да к тому же подошла очередь содержать земскую (заезжий двор) на целый год.





В один из дней вся большая наша ограда и часть улицы были битком набиты санями, лошадьми. Всюду сновали люди в шинелях с погонами, в шубах. Изба тоже была набита людьми с винтовками. Какой-то военный с погонами в три звездочки, стройный, сухощавый, спросил:

— Хозяин, лошади есть? Чего молчишь? Вот мы сейчас проверим! Хорунжий, проверь!

Хорунжий убежал во двор. Вскоре вернулся.

— Есть две лошади! Что с ними делать?

— Забирай! Да еще надо пять подвод! А этому всыпать, чтоб другим неповадно было!

Отца вытащили на ограду и начали бить. Вдруг все забегали, закричали, заорали. Поднялась невообразимая суматоха: одни запрягают наспех лошадей, другие таскают вещи на сани, третьи ищут друг друга, командиры подгоняют своих солдат, со всех сторон слышится мат, летят подзатыльники. С окраины деревни доносится крик:

— Красные! Красные! К деревне подходят!

Все уехали, как ветром сдуло. Отца с двумя лошадьми угнали с обозом. Через две недели отец вернулся домой на одной лошади. Как только ему удалось вернуться? Рассказал об этом он сам:

— В Заводных обоз остановился на ночевку. Я, как водится, зашел ночевать к своему другу Чалкину Никону. Намекнул ему: как мне убежать домой? Он посоветовал: верст пять от деревни есть избушка, туда идет сенная дорога. В этой избушке некоторое время можно провести. Он показал мне эту дорогу и как на нее выйти.

Перед утром я встал, пошел к обозу. Сказал часовому, что надо лошадь напоить. Отвязал свою кобыленку Воронуху, Савраска оставил. И так сжалось мое сердце — жалко стало Савраска, последний раз его вижу. Кобыленку повел как бы к реке, а потом по задворкам вывел ее на указанную дорогу. Сел верхом и угнал к избушке. Когда обоз ушел на Реполово, все стихло, ко мне приехал Никон. Рассказал, что случилось после меня. Часовому крепко досталось, чуть не расстреляли. Несколько мужиков с лошадьми было мобилизовано. Я ночами да окольными дорогами кое-как до дому доехал.

Отец после этого долго болел. Простыл, сильно кашлял, прогрелся в бане.

В феврале 1921 года вспыхнуло кулацкое восстание. Оно быстро охватило весь Север, началась расправа над коммунистами и сочувствующими. Советы и комитеты бедноты были ликвидированы, в деревнях назначены старосты из купечества и кулаков.

Мы спали на полу в горнице, как вдруг послышалась стрельба. Оська с Манькой вскочили и устремились к окну. Я, Катюшка и баба Таня лежали под шубами. Отец и мать спрятались в подполье.

Стрельба шла с разных сторон. Кто в кого стреляет — неизвестно. Вдруг стекло телькнуло и раздался шлепок. Это пуля пробила окно, ударилась в печь и упала на пол. Оська с Манькой сразу юркнули к нам под шубы. К утру все стихло. Мы выбежали на улицу. У нашего дома перед окнами лежал заколотый штыком. Всех убитых стаскивали в кучу на площадь перед часовней, большинство было только в нижнем белье.

Оська вдруг куда-то исчез! Куда он мог деваться? Посмотрел на снег — Оськины следы повели меня за часовню на берег. В глубоком снегу вырыты хода, в одном из них мелькнула Оськина шапка. Пошел по ходу к нему. Кое-где валялись пустые патроны. Оська навстречу тащил два ружья: одно целое, у другого деревяшка сломана.

— Ты что за мной таскаешься?

Оська потащил ружья домой. Куда он их спрятал, не знаю. Это его тайна.





# ГОЛОД

1920—22 годы были не только тревожными, но и очень трудными и тяжелыми годами. Весна 1921 года выдалась затяжная — холодная. А когда вскрылась река, случилось настоящее половодье — вода затопила все пашни и луга. Надежд на посевы и заготовку сена почти не осталось. Голод свой люди утоляли только рыбой. Вся деревня выходила рыбачить удочками на берега Сунт-су-саба. В то время этот ручей был с чистыми, крутыми берегами, незахламлен, глубоководен. В самый разлив в него заходил окунь на нерест, скапливался здесь — вот его и ловили удочками. Тут же на берегу варили уху и утоляли свой голод. Какая вкусная была уха!

А еще целыми семьями односельчане ездили ловить окуня на Чагоров сор. До сих пор помню, как был рад, когда отец взял меня на настоящую рыбалку. Поехали и мы на переметке на этот сор. Я впервые смог грести одноручным веслом. Ехали напрямик; не знаешь, где речка, где луг, где берег, потому что все было в воде. Деревья наполовину выглядывали из воды, а у верб торчали одни верхушки. Подъехали к копанине, кое-как протолкались по ней на лодке — сразу открылось безбрежное пространство с шумом волн, ветра, деревьев. Противоположного берега не было видно. Отец прямо пересекать сор побоялся, поехал окольным путем по левому берегу. Долго ехали. Стали попадаться у берега отдельные рыбаки. Наконец, отец говорит: «Подъехали к Балалайке».

Нас встретила неширокая горловина с высокими берегами, а дальше виднелся большой треугольный залив. На высоком берегу горловины стоят рыбаки и дергают окуня за окунем. А они, эти окуньки, взлетят в воздух на удочке и на солнце играют всеми цветами радуги. Мы тоже пристроились и включились в эту удачную ловлю. Азарт все сильнее и сильнее разгорался. Только удочка коснется воды, окунь сразу ее — хват! И попался! И начинает ее таскать в разные стороны, как собачка на привязи. Попробуй вытащи из воды такую «собачку» в килограмм или в полтора, если силенок маловато. Отец в таких случаях говорит: «Ванька, держи удилице крепче, не выпускай из рук!» И быстро бежит мне на помощь.

Потом вдруг резко прекращается клев. Окуни как будто сговорились не брать червя. Видно, как в прозрачной, светлой воде окуни ходят косяками, подплывают к удочке с червем и не берут! Хоть ты что делай!

А в один из теплых дней июня поехали ловить карася — прямо по залитым водой полям. По Вареньяге доехали до Омутка. Вся местность была под водой, только отец мог определить, где что находится. Оставался сухим один мысок осинового гривы. На Омутке расставили сети. Вечер выдался тихий-тихий, теплый. Со всех сторон началось побулькивание воды, все сильнее и сильнее. Это карась заиграл. Вот тут и началась наша работа. Поплавки в сетках задергались. Сети-то были маломальские, связаны из льняных ниток, да однотетивные. Один конец сетки просмотрим, а сзади уже дергают вновь попавшиеся караси. Вот всю ночь и ездили от сетки к сетке, выпутывая рыбу, чтоб караси сетку веревкой не свили. Полный мережной садок засадили карасем. А карась-то какой был! Как лопата! Мясистый, серый, с коричневым отливом. Отец только мне твердит: «Ванька, не спи! Ванька, не спи, а то вывернемся из лодки!» Под утро я уже не мог терпеть, и отец положил меня спать на сухой мысочек. Когда он разбудил меня, переметка была полна карасями. Эту рыбу отвезли домой. За садковой рыбой отец ездил вторично.

Вот так перебивались этот год. Если бы не рыба, не знаю, что бы было с нами.

(Окончание в следующем номере).





А. Ф. Бриген

# Из письма к Н. И. Лореру

Миних жил в Пелыме не в ссылке, но в заточении вместе с супругою своею, которая без выхода при нем находилась и с ним возвратилась в Россию. Он был росту среднего, полголовы ниже меня, дородной наружности, хотя и суровой, но приятной, имел волосы темные с проседью, мало говорил, картавил; казался всегда равнодушным, когда и веселым, по-русски изъяснялся хорошо, но выговор имел иностранный, с супругою же, которая по-русски говорила крайне худо, говорил он всегда на своем языке, вероятно, по-немецки, читал и писал много, работал в маленьком саду, который в остроге развел, где любил сеять разные травы и цветы, также собственными руками насадил много деревьев, кои впоследствии переросли и самые башни острога, но, к сожалению, ни одного из сих дерев более не существует. Прислуги при нем находилось весьма много, от 15 до 20 человек обоего пола. Она состояла часто из собственных к нему приехавших людей, из коих многие здесь похоронены, частью же из наемных пелымцев, в числе был и мой старик Казанцев; сия многочисленная дворня объясняется тем, что Миних держал много рогатого скота, для коего откупал луга и своими работниками ставил сено, часто для сего предмета делал и так называемые помочи, т. е. приглашал несколько мужиков и баб на свою работу и потом вместо платы их угощал. Сие заведение и поныне здесь существует. В сим случае накрывали столы во дворе острога, и Миних с супругою своею, которая никогда ни на шаг от него не отходила, с высоты стены острожной приветствовал своих гостей, приказывал их потчевать, смотрел на их пляски и прочие забавы и громко и от всего сердца смеялся, глядя на их проказы. В остроге, кроме низменного дому и маленькой караулки, не было никакого другого строения; в сим доме жил Миних с частью своей прислуги, другая же часть оной жила по квартирам в Пелыме. Скот и птицы помещались в срубках, из коих состояла стена. Днем все имели свободный пропуск в острог, но по пробитии зари ворота оногo запирались, самогo же Миниха из оногo не выпускали, для его караула находилась здесь особенная команда с двумя или тремя офицерами, из коих одного Миних иногда приглашал к себе играть в карты. Команда же сия делала здесь великие беспорядки, грабежи в домах и разные насилия, так что многие пелымские жители, бросив свои дома, раз-

---

Миних Бурхард Кристоф (Христофор Антонович, 1683—1767), военный и государственный деятель, ген.-фельдмаршал, на русской службе с 1721 г., при Елизавете Петровне был сослан в Пелым, где пробыл 20 лет (1742—1762).



бежались кто куда, баб и девиц часто на несколько дней зарывали по уши в землю. Графиня Миних была женщина чрезвычайно добрая, росту высокого и сухощавая. Она очень любила, снабдив хорошим приданым, выдавать крестьянских девушек замуж и обыкновенно сама наряжала их под венец, таким образом благодетельствовала она здесь многие семейства. Нынешнего году умерла здесь старуха Пономарева, которая жила у ней в прислугах. В день отъезда своего из Пелыма Миних в дорожном экипаже (это было зимою) три раза объехал Пелым, спускаясь же на реку, простился с жителями, которые в большом числе при спуске собрались: «Простите, мои пелымцы, вот и старик Миних со своею старухой от вас уезжает». «Прости, отец ты наш родной!» — закричал ему народ вслед; многие стали на колени. Двух пелымцев увез он с собою, из коих один возвратился и года два тому назад здесь умер в глубокой старости. Любил он также здешнего казака Панова, который стоял всегда за его стулом во время обеда и чистил его сапоги. Еще забыл тебе сказать, что здесь он по большей части ходил в теплом халате и много прохаживался по стенам своего острога. Вот все, что я узнал о пелымском житье славного Миниха, одного из знаменитейших людей, который бывал в России и о ком Манштейн сказал: «Я, быв адъютантом строгого Миниха, чувствовал себя важнее и более, нежели теперь, когда стал генералом».

Он был человек необыкновенно деятельный, сведущий по многим частям и исполненный жизни даже в самых преклонных летах. Прямо из Пелымского острога судьбе угодно было бросить его в самые бурные тревожения политические, но и тут он себе не изменил, и тут он показал себя великим; он жил еще пять лет. В Пелыме писал он план войны против турок и о способе покорить сию державу.

Прежде Миниха находился здесь регент герцог Бирон, также в заточении, но не долго, он здесь пробыл только 4 месяца и был увезен не знаю куда. Тюрьма, в коей он жил заключенным, существует еще и донныне, только на другом месте и в виде избы, она имеет по 8 аршин в ширину и длину и была несоразмерной вышины едва ли не в 9 аршин, так что видом походила более на низкую башню, нежели на дом, кругом сия тюрьма был обнесена тыном одной с нею вышины, пространство же между стенами тюрьмы и тыном было едва ли более сажени, так что сие жилище Бирона по всей справедливости может назваться темницей, и по сему и не мудрено, что оно после петербургского дворца показалось тесным бывшему регенту империи и что он с досады на таковую квартиру два раза оную поджигал.

Об авторе. Бриген фон-дер Александр Федорович (16 августа 1792—27 июня 1859). Декабрист, член Союза благоденствия и Северного общества, в 1825 году выполнял поручение К. Ф. Рылеева по связи Северного и Южного обществ. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, участвовал в Бородинском сражении, контужен в грудь и награжден золотой шпагой за храбрость, при Кульме ранен в голову и «за отличную храбрость» награжден орденом Владимира 4-й ст. с бантом и знаком прусского Железного креста (Кульмский крест). Один из образованнейших офицеров русской армии. Вышел в отставку в чине полковника.

Из Петропавловской крепости отправлен в Сибирь — сначала в Читинский острог, а через год, в июле 1828 г., доставлен в г. Пелым Тобольской губернии (ныне село Свердловской обл. близ ее границы с Советским районом нашего округа), где пробыл до марта 1836 г.

Письмо, отрывок из которого публикуется, адресовано декабристу Николаю Ивановичу Лореру, находившемуся в то время на поселении в г. Кургане, и помечено 15 ноября 1833 г.



Имя Марата Константиновича Зябина нашим постоянным читателям известно по интервью журналиста Ю. Петрачука «Прерванный полет» (№ 1—2, 1992). Напомним, что бывший военный летчик и сотрудник конструкторского бюро академика С. П. Королева вот уже несколько лет работает в Урае руководителем экспериментально-производственного участка Комиссии АН России по специализированным видам транспорта.

Владимир Алексеевич Мазин родился в 1951 году в п. Ларьяк Нижневартовского района, окончил Ленинградскую высшую профсоюзную школу культуры, работает в г. Нижневартовске.

Сегодня мы представляем М. Зябина и В. Мазина в несколько неожиданном ракурсе — их объединяет любовь к художественному творчеству, как способу самовыражения.

## Марат Зябин

х х х

Под рев штормов и буйный вой норд-веста,  
Нагнув упрямо головы вперед,  
Мы отвоюем в небе наше место.  
— Убрать колодки!

Разрешите взлет!

Кромсает винт лазурь тугую,  
Упруго бьет струя в капот...  
Как можно жизнь прожить другую —  
Без счастья чувствовать полет?

х х х

От своих невзгод сыт по горло болями,  
Но чужими болями болен поневоле я,  
От своих невзгод боль всегда одна,  
А чужими болями голова полна.

х х х

Качнется в млечном коромысле  
Ночное небо в брызгах звезд,  
И, словно кони, — мысли, мысли  
Рванутся бешено вперед...  
Да, не цветами путь мой выслан.  
И доскачу ль до цели я?  
Звезда упала с тайным смыслом  
На перекресток бытия.



# Владимир Мазин

х х х

В дебрях памяти блуждая,  
Я зазубрины считаю:  
Сто зазубрин —  
Сто обид  
Помнят слезы,  
Помнят стыд,  
Сто зазубрин за успех —  
Незаметно для всех.

х х х

Манит снова рыбака  
Синяя путина.  
Не страшит меня река  
Бурною стремниной.  
Понесет мой обласок  
Быстрое течение  
На слияние протоков,  
В водное кружение.  
Эх, весло, не подведи,  
Не скользи в ладонях.  
Будет отдых впереди,  
Где-нибудь в затоне!

х х х

Поломанные ветки  
Весной среди дождей  
Встречаются нередко,  
Не радуя людей...

Никто не замечает,  
Как с первым ручейком  
Деревья оживают  
Без возгласов,

тайком.

х х х

Светлее дня на сцене той,  
Куда цветы несут повесы.  
А я в компании крутой  
Тебе совсем не интересен.

Но я от слова и от стопа  
Твоей души не отделим.  
Пусть славы на тебе корона,  
А я лишь бедный пилигрим.

Царица сцены, не буди  
Мечты, которые измучат.  
Не верю я, что впереди  
Бывает и светлей, и лучше.

Поэзия Поэзия Поэзия Поэзия Поэзия



# Яльвиль

## Сказка

У одного старика-охотника было три сына. Не смог отец сам на охоту ходить, стал собирать старшего. Поделился с ним охотничьими секретами, рассказал, где в лесу находится избушка. И пошел старший сын на охоту.

Пришел в избушку к вечеру, стал чувал разводить, да пищу себе готовить. Только сготовил, собаки залаяли, шум подняли. Заходит в избушку богатырь Яльвиль.

— Пришел, сынок?

— Пришел.

— Кушать сготовил?

— Готово.

— Корми меня, есть очень хочу.

— Садись, ешь.

Скормил все, что сготовил.

— Мало. Еще что есть? Корми меня.

Все скормил, что из дома принес. Яльвиль еще просит.

— Все, больше нет ничего у меня.

— Раз больше ничего нет, значит, я тебя съем.

Схватил охотника, порвал на куски и съел.

Дома ждут-пождут старшего сына, дожждаться не могут.

Пошел на охоту средний сын. С ним такая же история случилась. И этого дожждаться из леса не могут.

— Твоя очередь, — говорит отец младшему сыну Лялька.

Пошел Лялька в лес, по дороге убил зайца. Нашел охотничью избушку отца. Темнеть стало. Разжег чувал. Только поставил чай кипятить, собаки зашумели. Заходит в избушку Яльвиль.

— Пришел, сынок?

Лялька сразу же и догадался, что братья тоже с этим лесным чудом встречались и погибли.

— Пришел.

— Я есть хочу, чем кормить будешь?

— Да вот по дороге зайца убил.

— Давай корми меня.

— А ты разевай рот, я тебе зайца подавать буду.

Раскрыл Яльвиль рот. Схватил Лялька лук и выстрелил Яльвилю прямо в рот.

Выскочил тот из избушки и только его и видел Лялька. Убежал.

«Он и погубил моих братовей, — думает Лялька. — Пойду-ка я его искать завтра». Наутро пошел по следу Яльвиля и пришел к его дому. Дом большой, богатый. Туда-сюда посмотрел. «Зайти-не зайти?» — думает. Заходить страшно и судьбу братьев узнать надо. Решил зайти.

— Пришел, сынок? — опять спрашивает Яльвиль.

— Пришел. Узнать, где мои братья.

— Нету твоих братьев. Ты за себя постоял, а они нет.

— За них и я тебя накормил, — говорит Лялька.

— Раз пришел, будешь жить у меня. Женишься на моей дочери. Но сначала сходи в наш лес и посмотри там слопцы. Может, что и попало.

Пошел Лялька в тот лес, на который указал Яльвиль. Смотрит — домишко стоит. Не большой — не маленький. Вокруг дома собака со щенятами бегаёт. Зашел в дом. А там старуха сидит. Увидела она Ляльку да как начала ругаться:

— Кто ты такой? Зачем и откуда пришел? Если наш хозяин узнает, он тебя съест! Чужих в нашем лесу не бывает. Уходи, покуда цел!

— Не ворчи, старая. Меня хозяин послал. Привет тебе передал, меня накормить велел.

— Ничего я тебе не дам. Уходи, пока ноги носят.

— Тогда дай мне щенка.

— Бери любого и уходи, — ворчит старуха.

Вышел Лялька, взял щенка, засунул его за пазуху и дальше пошел. Шел, шел, ко второму такому же домику пришел. Опять возле дома собака со щенятами бегаёт. В дом зашел. А там старик сидит. Как увидел Ляльку, ругаться начал:

— Кто ты? Зачем пришел? Уходи скорее, пока хозяин не пришел, да не узнал!

— Не ворчи, дед. Дай лучше щенка.

— Бери и уходи.



Пошел дальше. Увидел и третий домик. И там щенка взял. Сlopцы осмотрел, назад пошел. Пока к дому Яльвиля шел, щенки в собак превратились. Выросли.

— Ты, хозяин, без нас ничего не делай. Не ешь, не пей. Спать не ложись. Мы тебя от беды защитим.

Пришел в дом Яльвиля, там его невеста ждет. Пригласили к столу. Лялька незаметно открыл дверь. Ворвались его собаки в дом и—к столу. Схватили со стола хлеб и разорвали его на части. И опять на улицу убежали.

Вечером ему мягкую перину приготовили. Вышел Лялька на двор. А собаки уже сидят, его ждут. Вместе с ним зашли в дом, схватили перину, на части разорвали. Из перины той не мягкие перышки посыпались, а иголки колючие.

На другой день Яльвиль опять посылает Ляльку слопцы смотреть.

— Иди, сынок, проверь слопцы. Да только собак с собой не бери.

— Как без собак в лесу? Собаки со мной пойдут.

— Я тебе говорю, что собак с собой не бери. Собаки дома останутся.

Спорили-спорили. Отправил Яльвиль Ляльку в лес без собак. Ушел Лялька, а Яльвиль собак в сарай закрыл и уши им смолой залил. Оглохли собаки. Ничего слышать не стали.

Подошел Лялька к первому слопцу, поднял его, а из-под него змея зашипела. И во втором, и в третьем слопце змеи оказались. «Что-то тут не так», — думает. И услышал, что к нему кто-то тяжелыми шагами идет. Аж земля прогибается. Смотрит, а это Яльвиль идет. Побежал от него Лялька. Бежал, бежал, увидел толстое да высокое дерево и залез на него.

— Успел, сынок, — говорит Яльвиль.

Упал он на один бок — топор появился, упал на другой бок — второй топор появился. И давай рубить дерево, на котором Лялька сидит.

Летят мимо вороны:

— Вороны, вороны, летите к моим собакам и скажите им, что плохо мне. Пусть на выручку идут.

— Ты нас поил-кормил, когда нам трудно было?

И полетели дальше по своим делам. Мимо летят сороки.

— Сороки, сороки, пошлите мне моих собак...

— А ты нас поил-кормил, когда нам трудно было?

И полетели по своим сорочьим делам.

Летит мимо стайка воробьев:

— Воробьи, воробьи, слетайте и пришлите моих собак.

— А ты нас поил-кормил?

— Будете возле моего дома жить. Поиться, кормиться...

Полетели воробьи к собакам. Стали им говорить. А они ничего не слышат. Почистили им воробьи уши, сказали о беде хозяина и повели к тому месту, откуда их Лялька послал.

Налетели на Яльвиля собаки, начали кусать да на части рвать. Тут и Лялька помог. Убили они Яльвиля и привязали к тому дереву, на котором Лялька сидел.

Пусть стоит и вместе с деревом сохнет!

Лялька отдохнул и домой пошел. К себе на родину. Собак с собой взял и воробьи за ним полетели. С тех пор воробьи и собаки возле домов живут, а лес освободился от злого и страшного Яльвиля.

Записала О. Кошманова



Рис. А. Мухаметовой.



# УЗОРЫ

## «Локоток лисицы» и

## «Шея утки гоголя»

На рисунке приведены следующие орнаменты:

- 1, 2 — вухсар кунш оланг — «Локоток лисицы»;
- 3, 4 — шимал нувуп овлях сапал — «с малым количеством ветвей шея утки» (иногда называют хо шэп — «пол мужчины»);
- 5, 6, 8 — овлях сапал — «шея утки»;
- 7 — овлях сапал пушанга — «двойная шея утки».

Мастерицы, в чьих изделиях встречались узоры 1 и 2, единодушно называли их «локоток лисицы», но не могли объяснить происхождение названия. Лишь в одном случае был получен ответ: «Локоток у лисицы красивый и, посмотри хорошо, он очень походит на этот узор».

Утка гоголь относится к водоплавающим птицам, культ которых восходит к глубокой древности и связан с мифом о сотворении Земли. Кроме того, утка — охотничья дичь. Такое же двойное содержание и в названии орнамента. С одной стороны, это «матта лонгхев яманг хур... Ас тый икев, мосанг Калтась ангкев» — это «какого-то духа священный образ... духа Ас тый ики, может, духа Калтась ангки». По всей видимости, это все же земное воплощение Калтась ангки — Матери неродившихся детей, так как в ее священной песне есть следующие слова: «Осторожного гоголя чуткими двумя ушами я, может, слышала...»

Еще одна интересная версия о происхождении названия узора была записана у мастерицы А. Каксиной из Юильска, что «может быть, это Небом посланный орнамент», так как боги завещали народу жить сплаченно, быть единым, как «у утки шея из позвонков».

Большей же частью современные мастерицы объясняют название узора буквально: у утки гоголя шея такая же узорчатая, как этот орнамент.

Т. Молданова





1



3



2



4



5



6



7



8

Разные узоры





# ГОВОРИТЕ ПО – МАНСИЙСКИ

Урок третий

СЛОВАРЬ К ТЕМЕ «ЗНАКОМСТВО» («Вайхатнэ нак»)


Здравствуйте!  
Познакомьтесь.  
Как тебя зовут?  
Меня зовут...  
Ты живешь в этой деревне?  
Нет, я не живу в этой деревне.  
Я живу в городе.  
Утром поедешь в город?  
Нет, утром не поеду.

Поеду вечером.  
Откуда Вы приехали?  
Я приехал из Саранпауля.  
Хорошо ли доехали?  
Хорошо доехал.

Пася олэн!  
Тарапатхатэн.  
Нан намын маныр?  
Ам намум...  
Нан ты павылт олэгин?  
Ати, ам ты павылт ат олэгум.  
Ам уст олэгум.  
Алпыл усн минэгин?  
Ати, олпыл ат минэгум.

Этипалаг минэгум.  
Нан хотыл ёхтысын?  
Ам Саранпавлыл ёхтысум.  
Нан ёмас ёхтысын?  
Емас ёхтысум.





Как ты съездил?  
Я съездил хорошо.  
У кого остановился?  
Я живу в гостинице.  
Я живу у родственников.  
Я живу у знакомых.  
Как твои дела?  
Мои дела идут хорошо.  
Мои дела идут помаленьку.  
Дела идут плохо.  
Да (конечно)  
Нет.  
Поздравляю Вас с праздником.

Спасибо.  
Живите счастливо.  
Я приглашаю тебя в гости.  
Входите, проходите (входи).  
Раздевайтесь (раздевайся)  
Садитесь (садись).  
Скажите.  
Напишите.  
Переведите.  
Можно войти.  
Можно идти.  
Помогите мне.  
Зайдите ко мне.  
Проводи меня.  
Подождите немного.  
До свидания.

**Примечание:**

В связи с отсутствием в полиграфической базе типографии знака для передачи заднеязычного носового «н» в тексте он обозначен переднеязычным носовым «н».

Нан хумус яласасын?  
Ам ёмас яласасум.  
Хотьют палт пойтсын?  
Ам гостиницат олэгум.  
Ам рутанум палт олэгум.  
Ам ванэ хотпат палт олэгум.  
Нан тэлан хумус ювыт?  
Тэланум ёмас ювыт.  
Тэланум ласьлакв минэгыт.  
Тэланум люльсын ювыт.  
Атхунь.  
Ати.  
Нанын ялнын хотал кастыл сяг-  
тыл латын лавегум.  
Пумасипа.  
Сотынысь олэн.  
Ам нанын муйлункве вовилум.  
Сялтэн (сялтэн)  
Ахвсалахтэн (ахвсалахтэн).  
Унтэн (унтэн).  
Лавен.  
Хансэн, хансэлын.  
Толмасьлэн, толмасьлэлын.  
Рови сялтункве.  
Рови минункве.  
Анум нётэн, нетэлын.  
Ам палтум сялтэн.  
Ам ётум кон-квалыглэн.  
Мось урхатэн.  
Ос ёмас улум.



# ПАКЫ—КУКЛА ЮГАНСКИХ ХАНТЫ

Берется полоска светлой ткани, свертывается вдоль пополам и закручивается, затем чуть сплющивается, образуя как бы лицо. На него накладываются цветные полоски (4—6) ткани, чередуя темные и светлые тона. Длина полосок 10—15 см, ширина 2—3 см (а свернутая пополам — 1—1.5 см). Верхняя часть (1—1.5 см) оставляется для головы, а оставшаяся часть спирально завертывается цветной тряпочкой. Это верхняя часть платья (грудная часть куклы). С задней стороны платью закрепляется, прошивается. Далее шьется халат. Для этого берется лоскут однотонной ткани прямоугольной формы. Величина его зависит от размера верхней части куклы. С двух сторон, как у настоящего халата, обшивается каймой из ткани другой расцветки. С отступлением от нее на 1 см, пришивается вдоль бисерная полоска. Угол между вертикальной и горизонтальной частью полосы украшается полукругом из бисера. Халат лучше шить из сукна, тогда кукла будет стоять. Верхняя часть халата присборивается и подшивается к туловищу.

Халат подвязывается поясом, позади его концы опускаются до низа халата. Чтобы пояс не сползал, его также подшивают к халату и туловищу. Пояс делается из однотонной ткани (лучше сукна) другого, чем халат, цвета. Грудь куклы украшается бисером, бусами или воротником.

К голове подшиваются косы из черных ниток или черного бисера. Можно сделать украшения из разноцветного бисера в виде длинных сережек. Платок делается из квадратного или треугольного лоскутка с выдернутыми по краям нитками. Платок будет с кистями. Чтобы платок не сваливался, его тоже подшивают к голове.

Кукла готова! Можно с нею играть. Вообще, чтобы интереснее шла игра, одежда куклы не подшивается, ее можно легко снимать и надевать другую. А как сувенирная — кукла делается прочнее, с закреплением одежды и платка.

Вначале куклу девочке делает бабушка, мама или старшая сестра, потом она изготавливает ее сама.

В игре дети отражают жизнь и трудовую деятельность своих родителей и взрослых. Чаще всего кукла-паки — это дочка, а играющая — мама. Она ее кормит, укладывает спать. Качает в детской колыбели, гуляет, воспитывает, шьет ей одежду. Порой куклы — «самостоятельные люди». Они делают все: спят, едят, ходят на охоту, рыбалку, разговаривают, поют песни, ездят и ходят друг к другу в гости.

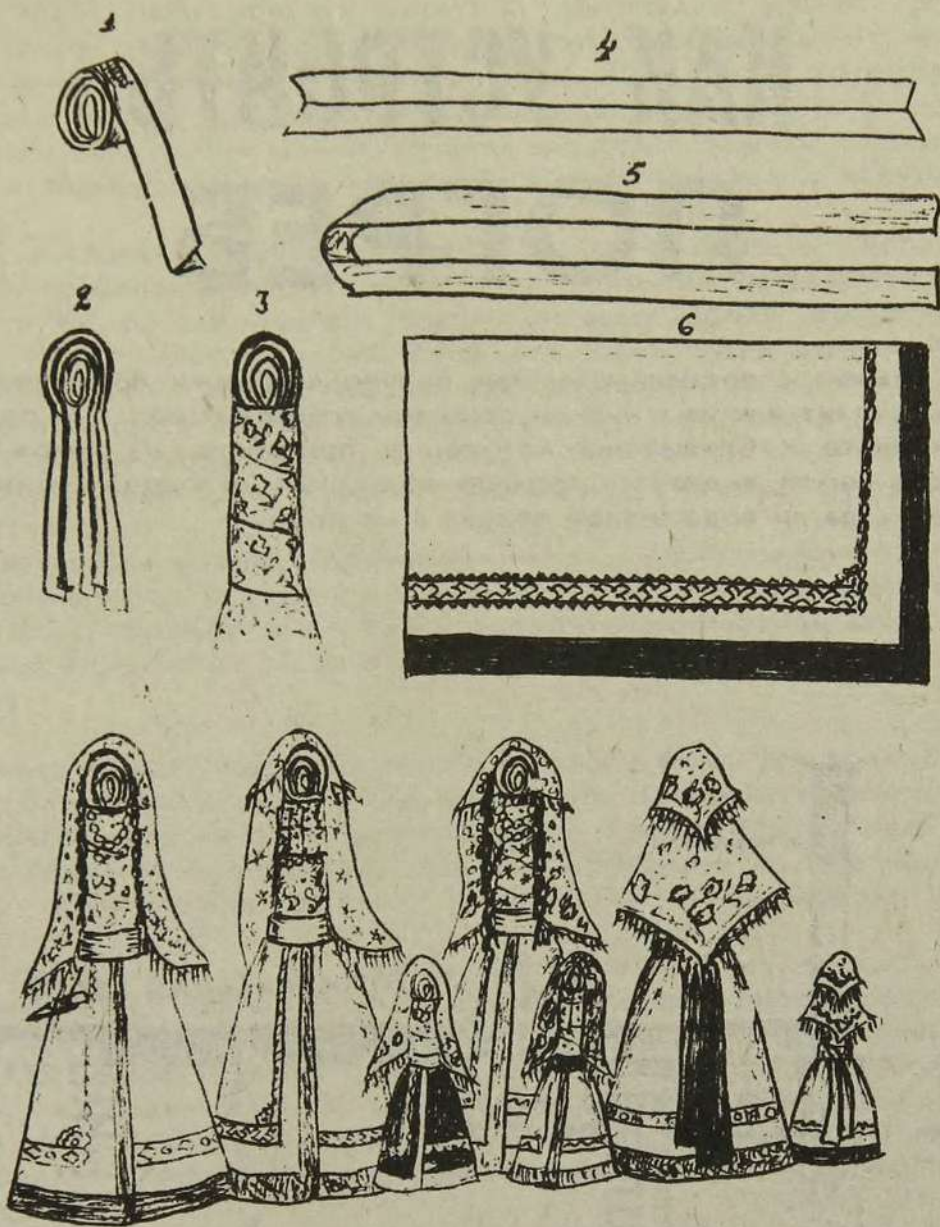
Жаль только, что с появлением игрушек в магазинах игрушки чисто национальные стали уходить из обихода, в том числе и юганская хантыйская кукла-паки.

## Порядок изготовления куклы:

1. Начало работы;
2. Наложение полосок;
3. Спиральное завертывание платья;
4. Полоска ткани;
5. Пояс;
6. Халат.

А. Тахтуева.  
Рис. автора.



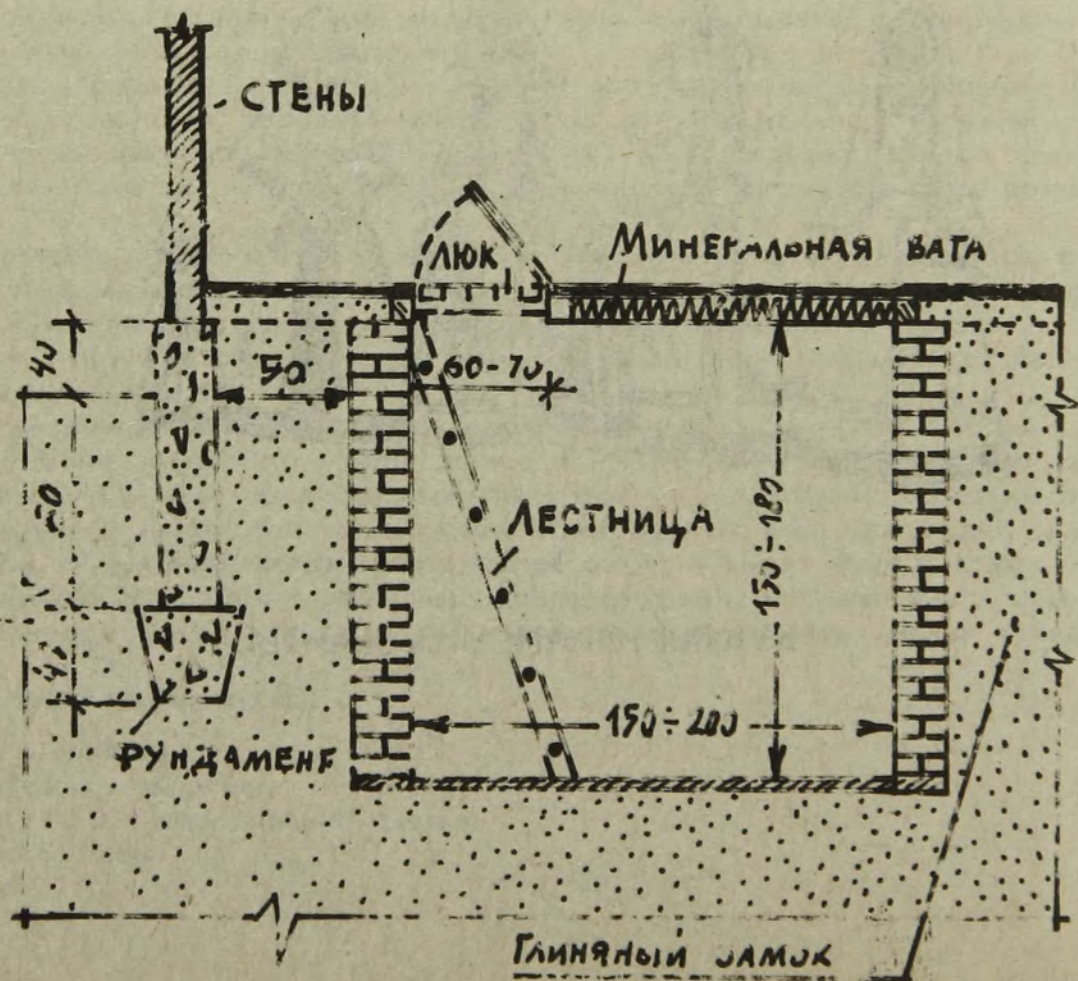


КУКЛЫ ЮГАНСКИХ ХАНТЫ.



# КАК УСТРОИТЬ ПОГРЕБ

Садовые домики с подвальными или полуподвальными помещениями лучше всего строить в сухих местах с низким стоянием грунтовых вод. Как определить их уровень? Загляните в ближайший колодец и прикиньте, на каком расстоянии от поверхности земли виднеется зеркало воды. Нет колодца — поинтересуйтесь у соседей, заливала ли вода весной подвал в их доме.





Если вы собираетесь оборудовать подвал в местности с влажной почвой, то прежде всего надо принять меры по понижению уровня грунтовых вод. Для этого выройте открытые водоотводные каналы, глубиной 0,5—1 метр и шириной 30 сантиметров с уклоном в сторону от дома. При уровне грунтовых вод ниже 1 метра вокруг здания устраивают дренаж со сбросом влаги в ближайший овраг, пруд или ручей. Но в любом случае лучшим средством защиты подвала от сырости является его гидроизоляция с помощью глиняного замка и наружной обмазки битумом.

Выройте котлован нужного размера. Высота подвала от пола до потолка должна быть приблизительно 190—200 сантиметров. Не заглубляйте в землю весь подвал. Хотя бы 60 сантиметров высоты оставьте выше уровня земли, чтобы в этой части можно было устроить окна для обеспечения надежной вентиляции.

Днище и стенки котлована хорошо подчистите и подровняйте лопатой. Затем внимательно осмотрите их. Кое-где на почве могут появиться влажные пятна — это выходят подземные воды. Такие места надо углубить на 50 сантиметров и забить жирной глиной. Если грунт слабый, всю выемку котлована укрепите досками на высоту стен.

На дно котлована насыпьте дренирующий слой крупнозернистого песка толщиной 6—8 сантиметров, а сверху уложите на 10—15 сантиметров мятую жирную глину. Тщательно утрамбуйте ее, затем положите второй слой такой же толщины. Снова хорошо утрамбуйте. У вас готов глиняный замок — эффективная гидроизоляция подвала.

Когда глина хорошо просохнет, на нее положите бетон толщиной 8—9 сантиметров. Дайте бетону высохнуть, затем промажьте битумом, разжиженным 30-процентной добавкой керосина. На битум наклейте один слой рулонного материала — рубероида. Затем рубероид тоже промажьте битумом, но уже неразбавленным. По битуму снова положите слой бетона в 3—4 сантиметра. Пол подвала готов.

Стены выкладываются из бетона, бутобетона или хорошо обожженного кирпича (железняк). Кирпич кладется плашмя. Хорошо просохшие стены снаружи промажьте двумя слоями горячего битума, а потом на битум наклейте один слой рубероида. Оставшееся между стеной и землей пространство заполняется мятой жирной глиной толщиной 20—30 сантиметров с тщательной утрамбовкой.

Изнутри стены подвала штукатурятся цементным раствором и белятся известью. По верху подвального помещения устраивается перекрытие — деревянное по балкам или бетонное.

На рисунке показан погреб, который устраивается в сухом грунте. Стены выложены из хорошо обожженного красного кирпича. Гидроизоляция выполнена с помощью глиняного замка. Для спуска в подвал в верхнем перекрытии оборудуется люк 100x100 сантиметров. Под люком размещается приставная лестница. Над подвалом можно сделать легкое помещение в виде сарая или летней кухни.

Подвальное помещение используют не только для хранения продуктов. В нем можно оборудовать домашнюю мастерскую, кладовую для садового инвентаря, фотолaborаторию.

**Ю. ПРОСКУРИН,**  
инженер-строитель.



# ДОМОВОЙ ВОРОБЕЙ



В нескольких десятках километров ниже устья Иртыша, в широкой пойме Оби лежит старый поселок Елизарово. Здесь в июле 1937 года я со своей матерью оказался в большой семье Кайгародовых. Младший из четырех братьев, Гриша, лет десяти, сразу стал моим другом. Он в меру своих знаний живо показывал и рассказывал мне все, что происходило в мире природы и вызывало мой интерес.

По его просьбе бабушка Пелагея в первый же день разрешила нам взять полог и ночевать в старинном двухэтажном амбаре, стоящем недалеко от берега протоки Омут. Ночь пришла тихая. Звуки природы сквозь стены долетали слабо, комары не мешали и спалось хорошо, но рано утром, как только взошло солнце, кто-то неподалеку бесцеремонно взялся повторять громко один и тот же звук «чив» да «чив».

— Кто это! — спросил я Гришу.

— Это воробьишко, — сказал Гриша. — Вон сидит в окошечке.

Мне было любопытно посмотреть на птичку, которых в новом поселке Остяко-Вогульске, пока он строился, было мало. Они в большом количестве жили за Самаровским холмом, покрытым дремучим лесом, куда, естественно, мне добраться было трудно. Здесь же воробьишко чирикал метрах в двух. Я подполз к дырке в пологе и в спокойном свете раннего утра увидел маленькую птичку с таким же серым, как старые бревна сарая, оперением. Неяркое украшение его дополняли две бурые полосы по краям головы да черный фартучек на груди — хороший отличительный признак самца домового воробья от полевого.

Домовой воробей в настоящее время встречается во всех больших и малых поселках округа, не говоря о городах, но раньше, до заселения края российскими казаками, его не было. В мансийских и хантыйских юртах этой зерноядной птице трудно было с пропитанием. Кроме того, при отсутствии скота негде было прятаться от холода.

Появление в Западной Сибири домового воробья начинается с той поры, когда царским указом было предписано заселять первые крепости-городки Березово и



Сургут казаками. Отправляясь на службу и житье в эти далекие крепости, казаки наряду с необходимым скарбом брали с собой в клетках обыкновенных воробьев, чтоб они своими серыми фигурками да простецким чириканьем у домов напоминали о далекой Родине за Уралом.

Не все воробьи выживали в суровые зимы на новых кормах при отсутствии любимого овса и проса. С появлением конского поголовья на Севере жизнь воробьев улучшилась: возле лошадей они получали свой любимый овес и в холодные зимние ночи прятались в теплых стайках.

С ростом числа поселков и поголовья скота, воробьи также расселялись водным путем на баржах, везущих продовольствие на Север. К 1870 году воробьи уже оседло жили в Самарово, но в п. Березово, как об этом писал всемирно известный зоолог А. Брэм, еще вели себя как перелетные птицы, улетая на зиму до устья Иртыша.

Когда развернулось широкое промышленное освоение просторов округа, воробьи добровольно включились в него и в меру своих способностей вместе с человеком начали осваивать новые места. При этом они заселяли новые поселки, и не только те, где были домашние животные (коровы, лошади, свиньи), но и те, где их не было: вахтовые, механизированные колонны.

В старых поселках домовая воробей, теперь признанный оседлый сибиряк, тем не менее совершает перелеты, правда, небольшие и связанные с сезонными особенностями обитания. Весной, когда начинается период размножения, не всем хватает удобных мест для строительства гнезд, поэтому отдельные пары или группы на лето перебираются в маленькие поселения, а осенью, если там не появятся подходящие условия, возвращаются в город. Если же позволяют условия, а это постоянная доступность пищи и теплые места ночевки, то живут даже в совсем маленьких поселках. Так, например, пара воробьев успешно жила в 1964 году в поселке Ахтинка из трех домов недалеко от с. Белогорье. Местом жительства была избрана засыпанная снегом стайка с одной коровой. Утрами, когда хозяйка приходила доить, они просыпались и терпеливо ждали, когда корова выпьет пойло, и тогда слетали на ведро, не обращая внимания на человека, к которому уже привыкли. Если была теплая погода, то с рассветом вылетали на улицу и начинали осматривать дорогу, что проходила на с. Согом. Если было холодно, то весь день сидели внутри стайки молча.

В сильные холода осторожные воробьи теряют страх перед человеком и залетают в открытые двери магазинов, столовых, вокзалов: здесь они оказываются, как и все пассажиры, в тепле, с хорошим освещением, а корма им хватает из тех крошек хлеба, печенья, что оставляют люди. На некоторых вокзалах опытные и знающие воробьи находят дырочки в стеклах и тогда спокойно ночью спят в тепле, а утром вылетают на улицу. Однако и они зимой ведут себя тихо, пока не приходит март. Теперь наступает пора, когда можно подать свой голос.

В тихие дни перезимовавшие воробьи собираются по кустам бузины, ивы, на елях и, приняв спокойную позу, начинают чирикать, будто рассказывать, как зиму провели. Чирикают, не слушая друг друга, поднимая шум. В народе по поводу этих «собраний» говорят, что воробьи «пиво варят». Чаще такие собрания проходят в начале марта и перед переменной погодой. Главный биологический смысл таких собраний — привлечение всех перезимовавших птиц в одно место и знакомство самцов и самок.

На «воробьиных собраниях» в конце марта, когда предварительные знакомства закончены и «обсужден» зимний вопрос «как выжили!», — появляется новый, весенний — «кто кому нравится!», и при разрешении его в зимних дружных стайках начинаются раздоры, у самцов появляется нетерпимость друг к другу.

С этой поры, обычно в начале апреля, часто можно услышать громкое чириканье, а при желании, если посмотреть в сторону шума, то и увидеть, что происходит. Происходит вот что. Сидели до этого дружной стайкой воробьи, чистили перышки, посматривали друг на друга. Вдруг один самец слишком приблизился к самочке, сидевшей рядом с другим, тот начал недовольно чирикать — поднялась перебран-



ка, самочка сразу сорвалась с ветки — подальше от неприятностей. Соперники за ней. К ним присоединились еще два-три самца — подсевалы. Вся ватага, не обращая внимания на людей, начинает кружиться по земле. Вначале непонятно, кто кого треплет, потом видно, что крутятся около серенькой самочки, а она, защищаясь, треплет то одного, то другого соперника за перья на голове. Самцы в свою очередь треплют друг друга. Победитель спешит к самочке и вместе они летят к его квартире: это просто дырочка в шиферной обшивке стены или более уютная и теплая щелка за наличником окна. Брачная пара возникла.

Несколько дней «новобрачные» привыкают друг к другу, потом начинаются первые совместные заботы — перестройка старого гнезда или строительство нового. Строительный материал супруги таскают вместе, поэтому строительство гнезда заканчивается быстро, через 3—4 дня. С этого времени у самца появляется новая обязанность — охрана «квартиры» от чужаков, а у самочки с конца апреля — насиживание кладки из 6 или 7 яиц в сереньких крапинках. Весь период насиживания — 11—12 дней — самец находится на страже и поет свои самые лучшие песни: «чив-чив-чим» и еще раз: «чив-чив-чим».

В мае в гнездах вылупляются птенцы, и самец принимает активное участие в выкармливании их. В этот период нередко можно видеть, как он прыгает на грядках недалеко от копальщиков и торопливо хватает дождевого червяка, еще не успевшего зарыться в землю. Птенцам он приносит не только малоподвижных насекомых, например, гусениц, но и хорошо летающих, при ловле которых проявляет вертуозность в полете. Поймав стрекозу или жука, воробей прежде, чем нести птенцам в гнездо, придает им безопасный для их нежных желудков вид, обрывая жесткие крылья, лапы, головы.

Через неделю, окрепнув, воробьишки начинают дольше бывать на открытых местах и «загорать» на солнце, прихорашивая перышки. С этого времени у них начинают меняться семейные отношения. Старые родители меньше проявляют о них заботы и начинают подготовку к созданию новой семьи, тогда как молодые воробьи из гнезда за одним окном дома соединяются с молодыми из гнезда за другим окном, образуя дворовую стайку. Проходит еще несколько дней, и одна дворовая стайка соединяется с другими в «уличную», откочевывает на окраину города к огородам или к садам, где живет до осени. Здесь они встречают в конце июля своих братьев и сестер из второго выводка и стаи увеличиваются до нескольких десятков и даже сотен особей. Как и в городе, они держатся в таких местах, где есть хорошие укрытия возле доступных кормов, в основном, с различной зеленью и семенами сорняков.

В сентябре в вольных воробьиных таборах возникают первые беспокойства от неприятных ночных заморозков, лишаящих их уюта от ночевки на ветвях деревьев; приходит время обратного вселения в город и поиска зимних квартир. При этом в родные гнезда родители не пускают. Новые успевают занять те молодые воробьи, которые оставались в городе, и начинаются скандалы.

Воробей для наших мест — птица южная, сохранившая в своем инстинкте далекую память о своей теплой родине, в виде повторного токования осенью. Смотришь в конце сентября, то один, то другой самец начал по-весеннему чирикать, мало того, таскать строительный материал для гнезда. Мы, занятые своими проблемами, бросаем на воробья мимолетные взгляды, не особо присматриваясь к его поведению, он же, живя рядом, напротив, внимателен к нашим действиям: в отличие от других птиц, он за свою долгую жизнь рядом с человеком столько натерпелся неприятностей и стал умнейшей птицей, недаром говорят, что старого воробья на мякине не проведешь. Поэтому опытных воробьев легко, как синиц, не поймает простыми ловушками.

Вот такой он, наш мирской захребетник — домовый воробей: вроде, и без человека жить не может, но вместе с тем особой дружбы не питает, постоянно держится на расстоянии.





фото Л. Березницкого



